

25-го мая 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

12

12

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го травня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Борис Кундрюцков: * * Стихи.
2. Любовь Самсонова: Над колыбелью. (Стихи).
3. Вадим Курганский: В ночной тиши.
4. О. Олесь: Злидні.
5. Константин Поляков: Ночь (Стихи).
6. Олександр Кокунько: * * * (Стихи).
7. Необходима организация В. К.
8. „Борьба за Россию“ или Борьба за Казачество.
9. Т. Стариков: Круг Спасения Дона.
10. О. Долинский: Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.
11. В. Глазков: Два пути.
12. Д-р С. Федоров: Донцы в наследии Чингис-Хановом.
13. Думы и мысли казачьи.
14. Международная жизнь.
15. Казачья эмиграция.
16. На Украине.
17. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. — — П. С. — Пишете, что „поднялся дух казака, зная, что наши казаки и за границей думают и пекутся о нашей угнетенной коммунистами Казачьей Земле, которые стремятся к ее освобождению“... — Давно пора уже казакам вместе думать „думу великую“, с вою думу. Пора перестать быть на „побегушках“ у других. — Сообщаете, что у „В. К.“ имеется много горячих сторонников — очень рады, т. к. считаем, что пришло уже время собираться казачеству в свои ряды... Послужили и наслужились всем, надо начинать служить себе.

Берлин. — П. Кож-ву. — На Вашу пропозицію погоджуємось. Подобиці листом.

Бразилия. — С. С-кому. — Листа і вірші одержали. Використаємо. Дуже вдячні Вам за коротеньку інформацію. Коли де будете про „В. К.“ писати, — надішліть потім надруковане нам. Коли побачете ще козаків там, — вітайте!

Белград. — К. — Письмо получили. Спасибо. Ждем Ваш адрес. Ответим письмом.

Витковице. — Е. Т. — Журнал посылаем. Когда будет нужно — напишем.

Витковице. — А. М. — Интересующие Вас сведения сообщим Вам по наведении соответствующих справок.

Praha XII. — Е. W. — Исполнено.

Políčka. — А. Т. — Просьба Ваша исполнена.

Париж. — С. — Письмо получено. Благодарим. Просьбу исполняем.

S. H. S. Банат. — Г. А. — Письмо Ваше и материал получили. Охотно воспользуемся им. Большое спасибо. Привет Вам!

Український Національний музей-архів. — Журнал посилаємо.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-руско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

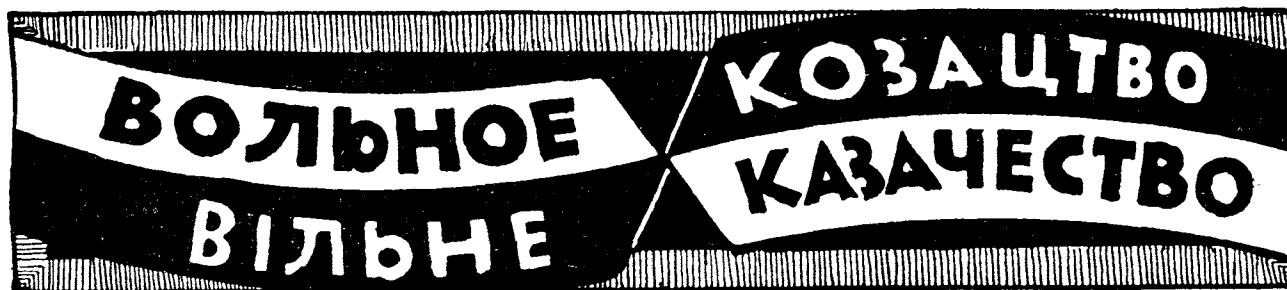
Казака станицы Усть-Белокалитвенской (студента) Ивана Пантелеймоновича Егорова или лиц, знающих его местопребывание, друзья просят сообщить адрес в редакцию „Вольного Казачества“.

АДРЕС Полковника Закрепы Бориса Ивановича, проживающего в г. Бордо просит сообщить в редакцию „В. К.“ С. ФЕДОРОВ.

Новые книги.

— Госиздатом выпущена книга В. П. Пожидаева. Горцы Кавказа. (Стр. 110)

— Общество любителей изучения Кубанского Края вместе с кубанским окружным архивным бюро издало в Краснодаре работу проф. Б. М. Городецкого „Периодика Кубанско-Черноморского Края с 1863 г. по 1925 г.“.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 12.

Прага, пятница 25-го мая 1928 г.

№ 12.

Борис Кундрюцков.
(Югославия).

* * *
Казачество... заплевано... разбито!
И степь! И Воля!.. О позор!!
Пусть кровью русской сталь омыта —
Стыдливо не опустим взор,
А мощные собирая силы
Навек насилье проклянем —
Казачьи, горькие могилы,
Мы вам присягу принесем!
Долой чужих, разящих в спину, —
Для них ли степь мы берегли,
Чтоб нас, как „серую скотину“,
И степь в придачу поднесли.
Нет, братья! Наша воля — Воля!
Когда-то бросили мы всех
И Дикое, родное Поле
Не для забавы и потех!
Долой обман! Намек на рабство, —
Как сладостно нам умереть —
За казака, за Дон, за братство
Святою свечкою сгореть!
Станица где? И мать — монашка?
Отец? — За Дон, родной, погиб...
Кто говорит — Россия? — Тяжко!!
О камни-б голову расшиб!
Все ложь, родные! Нет свободы!
Мы казаки иль батраки?
И почему живут народы,
А мы ушли с своей реки...
О, преступление — продаться,
С чужой судьбу свою сплести —
Нет! Больше нам не унижаться.
Довольно боль и гнет нести!
Слезой сожженные ресницы
Пусть не закроют гордых глаз.
Ты — Степь! Ты — Дон!.. И Вы, станицы, —
Вам наша жизнь и наш экстаз!

1928.

Любовь Самсонова.
(Прага).

НАД КОЛЫБЕЛЬЮ.

Спи, мой маленький, спи, крошка,
Спи, мой аленький цветок —
Мама плачет, маме горько:
Ты-ж усни, закрой глазок...
Просишь сказку, просишь песню,
Просишь ласки и забот —
Мама песенку споет...
Сердцу душно, сердцу тесно —
Спи, мой милый, спи, сынок.
У тебя глазенки-звезды —
С'ест их горькая роса.
Горький мой ты, несчастливый,
Казаченок-сирота.
Спи, мой мальчик, спи — уж полночь,
Вон... Угасла и свеча...
Спи, мой маленький, спи детка —
Двое нас ведь — ты да я!
А отец твой?.. Боже, Боже —
Ни могилы, ни креста...
Ведь не дали и увидеть
Мне тогда его лица...
Тише... Тише... Я не плачу...
Спи спокойно, мой сынок,
Твой отец убит за Волю,
Твой отец зарыт в песок...
Только где? Я изломала-б
Ногти о песок сырой,
Если-б знала — где он... Где он?...
Спи, мой мальчик, спи, родной.
Ну, не плачь, а спи тихонько,
Скоро вырастешь большой.
Я тебе скажу, как... папу...
Спи, мой мальчик, я с тобой!
Папу бедного убили,
Папу далеко зарыли...
А за что-же? А-а-а...
Он казак!.. Спи... Ночь длинна...

Вадим Курганский.
(Белград).

В ночной тиши.

Я люблю раннюю осень... Не дождливую, серую северную осень, а теплую раннюю осень юга, с ее ароматом вянувшей зелени, с ее своеобразной внутренней красотой. Я люблю эту пору, когда медленно начинает умирать природа и, как первые предсмертные слезы, падают на землю золотистые листья деревьев. Сколько величественности в этой картине медленной смерти... Ведь и в смерти есть своего рода обаяние красоты...

И особенно люблю я вечера — теплые, душистые, полные чарующей неги, когда еще тепло, в воздухе еще висит удушливый зной лета, но откуда-то издали, чуть заметно, веет холодком надвигающейся осени... Люблю ясные осенние вечера, полуобнаженные ветви деревьев и колышущиеся тени на влажной земле... Люблю серебристый свет полного месяца, и едва заметный рокот волн реки, и замирающую вдали песнь... Я люблю теплые, ясные вечера южной осени...

В такие вечера откуда то, из самой глубины души поднимается мощная волна какой то странной, непонятной тоски... И не хочется шумной компании друзей, веселых песен и смеха — хочется быть одному, в тишине, отдаваясь всецело этому сладкому чувству безотчетной тоски...

Когда в один из таких чарующих осенних вечеров, веселая компания моих друзей отправилась на прогулку в окрестности небольшого села Южной Сербии, где мы проводили летние каникулы, я не пошел с ними... Остался один в полутемной комнате и, нарочно не зажигая огня, присел к окну...

И тотчас же уже знакомое чувство зашевелилось где то, в самых сокровенных тайниках души... Сладко до боли хотелось чего то близкого и в тоже время далекого, сердце рвалось куда то вдале, к чему то неясному, но родному и бесконечно любимому...

Село спало!.. Звонко отдавался в тишине отрывистый лай собак, где то далеко тянул свою нескончаемую песню запоздалый селяк. Глухо пыхтела и постукивала вдали паровая молотилка, изредка прорезывая ночную тишь пронзительными гудками...

Над отдаленными кособогами медленно вставал серебристый диск луны. Отчетливо вырисовывались на фоне светлеющего неба неподвижные ветви деревьев, прихотливыми узорами теней испещряя белые стены домика. Во дворе гремели цепями собаки...

Я сидел неподвижно, всецело поддавшись обаянию теплого, ласкающего вечера... Как надорванная и уже останавливающаяся струна, неясно зазвучали в душе отголоски чего то далекого, давно мнувшего... Неясно мелькнули какие то образы... и вот... раздвигаются и уходят в даль окружающие стены комнаты и картины, одна другой ярче и образнее, встают перед моими глазами...

Такой же теплый осенний вечер... Так же безмятежно льет холодные потоки серебристого света полный месяц, так же неподвижно, словно зачарованные, словно купаясь в волнах сереброного блеска, стоят деревья, та же непробудная тишина вокруг... Только там-за плетеным забором нет крутых, глинистых кособогов, а вместо них, насколько глаз хватает, раскинулись кругом привольные просторы Кубанских степей...

Скользят ажурные тени по чисто-выбеленным стенам мазанки... На полу комнаты — правильный светлый четырехугольник от настевшего открытого окна... В тишине, едва слышно, лениво мурлычет свернувшийся на кровати кот... Душно, хотя в окно и льется свежий степной воздух...

Чу, в тишине позади дома звучат голоса... Скрипнули колеса арбы, хлопнули ворота и мерно пофыркивает лошадь... Откладывая в сторону свечу, которую собрался было зажечь и выхожу на крыльцо... Охватывает прохладой, ароматом необозримых Кубанских степей и теплой осенней ночи... Осторожно спустившись по шатким ступеням, направляюсь за дом, откуда доносятся голоса.

Привезли от соседа веялку. Хозяин и двое молодых ребят — сыновья — кряхтя поднимают тяжелую машину и спускают ее на сухую землю, около утоптанного кольца тока с возвышающейся по середине горох вымолоченного зерна...

Я подхожу и торопливо принимаюсь распрягать лошадь. Хозяин, мерно посапывая носом от перенесенного напряжения, закуривает и испытующе — ироническим взглядом следит за моими движениями...

— А все ж таки знаете, як хамут треба скидати! — звучит в тишине его голос, когда я, стаскивая хомут, поворачиваю его на шее лошади. И в тоне его грубоваго голоса звучит едва уловимая нотка одобрения...

— Разве я в станице не жил, что ли, — деланно небрежно отвечаю я, гордый лестной, для пятнадцатилетнего обитателя города, похвалой в умении обращаться с лошадьми.

— А ви ж відкіля? — спрашивает хозяин, чиркая спичкой. Трепещущее пламя на момент вырывает из мрака его морщинистое лицо и седые, свисающие усы. Я говорю.

— А чий же?

Я называю свою фамилию.

— Эге-ж!.. — слышится полуудивленный возглас.

— А де ж батько ваш? — спрашивает хозяин через минуту тихим голосом. И в его, ставшем вдруг мягким и доброжелательным, голосе звучит озабоченность и теплое, искреннее сочувствие.

— Не знаю! — коротко отвечаю я. И на момент в запуганном сознании огненным блеском — страшная мысль — а если выдаст?.. Но она исчезает тотчас — ведь это свой, родной, близкий... Одна плоть, одна кровь, одна душа — вольная, казачья, не способная на измену и предательство...

И, спокойный, с радостным, хорошим чувством на душе, оканчиваю свою возню с лошадью, чувствуя на себе взгляд хозяина уже не прежний полунасмешливый, иронический, а мягкий, дружелюбный, сочувственный. Босоногий мальчишка, младший сын хозяина, увидит фыркающую лошадь к колодцу.

— Ну, спать будем, чи що? — говорит хозяин, до — світа треба усе зерно перевести!..

— Я здесь на току лягу! — отвечаю я, — как начнете веять — разбудите!

— Добре!.. А хіба ж вечерять не будете?

— Не хочется, спасибо!..

— Ну, доброї ночі!..

Я бросаюсь навзничь в шуршащие груды соломы... Спать не хочется и, устроившись поудобнее, зарывшись глубже в теплые недра, чтобы не пробрало ночную сыростью, устремляю глаза в далекое небо с миллиардами крупных, горящих алмазов — звезд. Протяжно скрипит в тишине колодезный журавель, звенят ведра, слышится стук копыт, нетерпеливое пофыркивание и громкие окрики...

Постепенно стихает все вокруг... Месяц взбирается все выше и выше, в окнах дома гаснут огни, сырою свежестью теплой осенней ночи обдает лицо, постепенно смыкаются веки, мысли в голове путаются и черный, всепобеждающий сон властно охватывает меня... Сладок крепкий сон под открытым небом теплого юга, в аромате вянувшей зелени...

Просыпаюсь от назойливого грохота над самым ухом... Открываю глаза и, дрожа от предутренней прохлады, поднимаюсь на ноги...

Грохочет веялка... Шуршит, падая в нее жадно разинутую пасть, зерно, жалобно ревут колеса, стучит передача и вздымаются вокруг облака густой пыли, в которых неясно вырисовываются силуэты движущихся людей...

Месяц зашел; на востоке уж едва заметно ложится бледная полоса рассвета.

Я подхожу к веялке.

— Ставьте одгортать! — кричит хозяин, стоя по

колено в золотистом морі „вороха“, мерними, взмахами лопати підбрасує в веялку...

Беру лопату і становлюсь „одгортати“. Шуршит золотий потік зерна, сплошної струєю витекає з машини, упруго врізається в податливу масу його лопати і росте гора чистого, відделеного від пилу і полову зерна...

Быстро устають і починають надоедливо нити не привикші м'язи, ломит від согнутого положення спину, удушлива пилі лезе в очі, нос, горло, молотом стучить в груди серце, оглушаючий грохот точа на часті рвет голову, а золотистий потік все льється... Мерно вздымається лопата: раз — врізається, захватить кучу зерен, — два — бросок в сторону... і знову раз-два, раз-два... А потік, шурша, все льється і льється...

Наконец, полуоглохший, обессиленный, с одеревяневшими м'язами, передаю лопату сину господаря і, пошатываясь, выйдя из душливых облаков пыли, в изнеможении падаю на влажную от росы солому...

На небе ширится светлая полоса, торопливо гаснут одна за другой звезды — наступает утро. Сырой, утренний воздух приятно охватывает разгоряченное лицо... Болят м'язи, ноет поясница, но на душе так же светло, радостно и спокойно, как и вокруг, среди занимающегося утра... Неподвижно замерли на пестром коврі опадающих листьев фруктовые деревья сада, мычат в базу проснувшиеся коровы, нерешительно чирикают воробьи, а там, за плетеной изгородью, во всей своей красе раскинулись пышные Кубанские степи.

.....

Звонкий взрыв веселого смеха раздался за стеною дома... Я вздрогнул и очнулся... Возвращались с прогулки товарищи...

Образы, навеянные красотой осеннего вечера, исчезли и снова знакомое чувство безотчетной, неясной тоски зашевелилось в душе...

И еще непонятнее, еще загадочнее показалось оно мне... Ведь и здесь, вокруг, — такие же дерерья, такой же свежий, ночной воздух и та же луна безмятежно сияет в небе... Отчего же сейчас так ноет сердце, так болезненно щемит душу, а там, в этом далеком невозвратном прошлом, этого нет — там спокойно, легко и радостно?.. Отчего?.. Чего не хватает мне здесь, среди величавой красоты и неги южной ночи...

За стеной снова раздался взрыв смеха и грубый голос хозяина-серба прикрикнул на залившихся было неистовым лаем собак...

И внезапно звук этого чуждого голоса точно заставил меня очнуться... Точно пелена спала с глаз и я увидел то, что раньше казалось неясным, странным и загадочным!..

Да, я понял чего мне не хватает!..

Тебе не хватает мне, Твоих привольных, безграничных степей, Твоего широкого простора, Твоих песен и слов, Тебя — многоводная, вольная — Кубань!..

Пусть сарашный отблеск взвившегося над Московским Кремлем красного знамени осветил и Твои привольные степи, пусть вздулось и побагровело от казачьей крови бурливые волны Кубани, пусть ломают и гнут в дугу свободолюбивую казачью душу — я все же верю в Тебя, в Твои силы, в Твое будущее, потому что я люблю Тебя, родная моя Кубань.

О. Олесь.

З л и д н і.

Казка в 4-х картинах.

(Докінчення)*

III. Картина.

Хата Убогого Брата.

Жінка Убогого Брата (щось шне і наспівує).

Ой, шукала Квітки-Долі
І в лісах густих, і в полі,
Свої ніженьки трудила,
Об камінні гостре била,
Гострий терен розгортала,
Слізеньками поливала...
Розгортала трави в полі:
Все шукала Квітки-Долі...
На степах вітри спиняла,
У гаях пташок питала,
І благала, і просила,
Та вітри згортала крила,
А пташки в гаях стихали
І в гушавину зникали.

(Убогий брат входить, кидає шапку і, засмучений, сідає на лаву).

Жінка. Ну, що ж у кумах побував,

Наївсь, напивсь, погуляв?!

Чоловік. Коли народишся в недолі...

Чи там... немає... бараболі?!

Хоч трошки... черво болять...

Жінка. Та ти ж ходив когось хрестить, —

Невже ж для кума дорогого

І з'їсти не знайшлося нічого?!

У їх же гуси і курчата,

Качки, индики, поросята...

Чоловік. Був, кажуть, квас,

Та не для нас:

Багатирі усе поїли,

А ми біля дверей сиділи...

А кумом хто, — я й не питаю,

Такий-то, жінко, світ настав.

Жінка. Уже ти й сорому не маєш:

Комусь себе за кума пхаєш.

(Одягає на себе хустку і йде до дверей).

Чоловік. Куди це ти ідеш із хати?

Жінка. Іду дітей з сусід забрати.

Коли б їх зовсім не було,

Не так би душеньку пекло.

Голодні, голі...

Чоловік. Ах, лиши...

Кривавих ран не воруйши.

(Жінка вийшла. Чоловік взяв скрипку і почав тихо грати. Мелодія поволі переходить з сумної в веселу. З під печі вискакують Злидні, розбігаються по хаті, наче чогось шукають, потім беруться за руки і починають танцювати. Через хвилину Чоловік їх помічає).

Чоловік. Ви хто такі?! Відкіль взялися?!

Один із Зл. Ми Злидні, дядечку! не бійся:

Ми тут давно вже живемо,

У день під піччю ми спимо,

А прийде ніч — у хаті, в хижі

До ранку ми шукаєм їжі.

А сю ніч нишпорили скрізь,

І нічого сенько — крім сліз.

Чоловік. Ви все, що знайдете, їсте?!

А де ж ви, Злидні, живете?

Хтось з Зл. Під піччю... тісно дуже там...

Ще хтось. Ах, як там, дядьку, тісно нам!!

Чоловік. Ага! так ось у чім все горе!

Я щось зроблю вам більш просторе.

У мене в чудесна хатка.

Ви не журіться, Злиденятка!

Я зараз смуток ваш розважу, —

Ось на горіще тільки зляжу. (виходить)

*) Див. № 11 „В. К.“.

(Злидні стають в коло, беруться за руки і, пританцювуючи, співають:)

Злидні. Бавмось, бавмось, Злиденятка:

У нас буде хатка
Велика та красна,
Не чужа, а власна.
Вдень ми будем спати,
Вночі вибігати,
Все ламати, гризти,
До крихотки їсти,
Чи житечко, чи пшонце
Чи смашненьке сальце.

Чоловік *(З бочкою)* Ось і хатка вам новенька
І простора й чепурненька.

(Ставить бочку на підлогу. Злидні обступають бочку і по одному вскакують в неї).

Чоловік Всі ? чи в хаті ще лишилися?
Як же — добре розмістилися?
Ось і дверці прироблю ще,
Та хитрющі, прихитрющі.

(Забиває днище)

Ну тепер гайда у поле, —
Більш не стрінемось ніколи!

Жінка *(з дітьми)* Хоч наїлись діти бідні...
(Угледівши бочку) А це на що?

Чоловік. Жінко! Злидні!
Всіх забрав! Несу у поле, —
Не бідуєм більш ніколи!

Жінка. Що ти кажеш?! схаменися!

Чоловік. Злидні! в шілку подивися!

(Жінка заглядає в шілку).

Жінка. Ох, і скільки ж тут їх, нене!

Чоловік. Це вони знущались з мене!

Жінка. Де ж ти їх зловив? В коморі,
Чи у сінях, чи на дворі?

Чоловік. Я заграв, — аж зирк по хаті
Скачуть Злидні волохаті.

„Хто ви, звідки?“ їх питаю

І на скрипку далі граю.

„Ми з-під печі, ваші Злидні...“

— „Так це ви, кажу, огидні,

З мене здерли і сорочку?!

Так я їх забрав, та в бочку!

Жінка. Де ж ти дінеш їх, соколе?

Чоловік. Покочу їх просто в поле,

Тай покину

Для загину.

Прощавай, бувай здорова!

Ти ж нікому... а ні слова!

(Котить бочку)

(Жінка заглядає под піль виймає якусь скриньку и віддає чоловікові).

Жінка. Ще оце забув забрати...

Чоловік *(заглянувши в скриньку).* Жінко! Золото!
Дукати!

Жінка. Що?! Дукати?! Сонце! Ненько!

А вщипни мене, серденько!

Ні, болить! О мій соколе... *(Обнімає)*

Чоловік. Годі! Котимось у поле!

(Викочує бочку)

Жінка *(до дітей)* Завтра будуть всім спіднички
І червоні черевички!..

(Діти з криками кидаються до матері).

IV. Картина.

Ніч. Поле. Бочка. Далека блискавка час від часу
осяює ніч.

Баг. Брат *(крадькома йдучи і оглядаючись, спинається).*

Ніхто, здається, не пішов

В цю чорну ніч сюди за мною...

Як страшно тут! Гаряча кров

Стає у жилах крижаною.

А що коли підглядять люде

І скажуть братові, що я

Пустив на волю його Злиднів,

Що нишком вжалив, як змія.

Ні, ні! Не чуть ніде нікого.

Ха-ха! побачимо колись

Хто знову перший, найбагатший,

А в кого Злидні уп'ялись!

... Іду по улиці, — здійсмають

Мені, вклоняючись, шапки,

Зустріну пана, — не цілую,

Як інші, панської руки.

Скажіть: у кого кращі коні,

Хто на степу їх обжене,

Чиї шкоти стоять, як гори,

Чиї дуби це вітер гне?!

Мої, моє! Куди не глянеш!

Іде лісам, степам цим край?!

Знімися соколом під небо,

У вітра буйного спитай!

І ось, коли я став, зробився

Багатирем з багатирів,

Мій брат, жебрак, жебрак ще вчора!

Перемогти мене схотів!!

Що дня неначе в дивній кузні,

Йому хтось золоту кує,

Що дня, дукати розсипає

І жмені вбогим роздає.

Тепер гремить про його слава.

Він пан тепер!.. Він перший скрізь!

Його це вівці степ укрили,

Його шумить це буйний ліс!

... Ха-ха... його! Надовго? Досить!

Хай знов до його Злидні йдуть,

Обліплять мухами, обсядуть

І в серце пазурі уп'ють.

Почне убожіти, марніти,

Недолю знов клясти свою...

Скуплю за безцін я земельку

Й садибу з хатою куплю

Пора! *(Іде до бочки).*

Ви, Злидні, тут? У бочці, га?

Злидні. У бочці.

Баг. Брат. Як же вам?

Злидні. Нудьга!..

Баг. Брат. А ви б побігали по полю?

Злидні. А тож! А тож! Пустіть на волю!

Баг. Брат. А ви не скажете нікому —

Хто з бочки вас пустив до дому?

Злидні. От так! Хіба ми язикаті?..

Нам тільки б знову жити в хаті.

Баг. Брат. Я зараз вибью дно, а там —

Хоч на всі боки воля вам!

(Вибиває днище. Злидні вискакують, плигають, пле-

скають в долоні, радісно викрикують, чипляються на

Багатого Брата.)

Баг. Брат. Ну, годі, годі, злидинята:

Біжіть мерщій до мого брата.

Злидні. Куди? До брата? Ач який!

Та він же хитрий і лихий!

Ми три вже місяці не жерли

І ледве з голоду не вмерли.

Не вірим більш своєму брату,

До тебе підемо у хату.

Баг. Брат. Та що ви, Злидні, подуріли?!

Та ви б у бочці вік сиділи,

І це мені така відплата?!

Злидні. Ні, ми не підемо до брата!

Баг. Брат. Та я не хочу вас, не треба!

Злидні. Ні, ні! ми підемо до тебе!

Баг. Брат. Та я не хочу вас ні за що!..

Злидні. Ні, нам у тебе буде краще!

Ми будемо в тебе й вікувати!

Баг. Брат. Та я не хочу вас і знати.

Злидні. Ми не разлучимось з тобою..

Баг. Брат. Та я вас з хати коцюбою!

Я утечу від вас проклятих!

Злидні. Тікай! Ми будемо доганяти...

(Багатий Брат біжить, його доганяють Злидні, чипля-

ються на його, обсідають, обліплюють як мухи.)

■■■■■■■■■■

Константин Поляков.
(Брно).

Н О Ч Ь.

Ночью — жуткой, как смерть,
Печальной, как мать потерявшая сына,
Мне суждено мои песни петь —
Песни грустней панихиды...

Чудится шопот знакомой листвы,
Мнится мне холмик родимой могилы...
Чистил, лелеял, одел в цветы,
Потом, как волною смыло...

Смыло, сравнило могилу отца...
Нет покоя и мертвым собратьям,
Души сожгло лобзанье свинца,
Мертвое тело в красных объятьях...

Слышу я ворона черного сказ,
Чувствую веянье синих крыльев,
Но не закрою больных моих глаз
Пока не поведу былин...

Вихрь, метелица, дождик — втроем
Со свистом гуляют между крестами,
Старую надпись ненастье слизнет,
Небо закроет могилу снегами...

Темною ночью чего же я жду?
Под тяжестью жизни склоняюсь,
Взявши себе в подруги нужду, —
Меж миром чужим слоняюсь...

Что же, как плеть, опустилась рука!
Или назвать нас трусами вправе?
Что же не сможем мы в лоб врага
Пулю свинцовую вправить?

Ночью — жуткой, как смерть,
Не сплю лишь я да обида.
Ночью... я начинаю — песни петь,
Песни грустней панихиды.

Олександр Кокунько.
(Подєбради).

* * *

Між морями та горами,
Між південними степами
Віковичний Лицарь спить, —
Мрію про Кубань таїть.

Вік віків він на сторожі
Краю вільного стояв, —
Вартував, щоб з подорожі
Гість лихий не завітав.

Гай і поле зеленіли,
Ниви золотом горіли...

По степах і по лиманах
Козаки колись жили, —
Не жили, а панували
Волі буйної сини...

— Що ж це поле почорніло,
Що так все скрізь помарніло?

Вітер з півночі посіяв
Зілля лиха — кров рабів
І на Лицаря навів
Сон тяжкий на сто років.

Лицарь зтруїний упав, —
Ворог Волю закував...

Прийде щастя юнакові,
Прийде Доля козакові, —
Знову гай зазеленіє,
Знову нива зчервоніє.

Встане Лицарь — стрепенеться, —
Ворог кровью обіллється.
Встане Воля — роскується, —
Степ козачий — усміхнеться.

Необходима организация В. К.

Одной из главных причин наших неудач в прошлой борьбе с большевиками был недостаток ясно сформулированной идеологии этой борьбы и абсолютная политическая неорганизованность Казачества.

„Армия — вне политики“ — совершенно правильный лозунг для армии всякого государства, одинаково, как в мирное, так и в военное время, но совершенно не годится этот лозунг для бойцов, ведущих борьбу за политическо-государственное освобождение, своего народа, как это имело место в нашем случае, в войне Казачества с Московскими большевиками. В такое время армия военная должна одновременно быть и армией политической.

Не будет очень большой смелостью утверждать, что не все мы одинаково ясно представляем себе против кого мы боролись и боремся,

а еще меньше многие из нас знали за что мы боролись. Если прибавить сюда расхождение (часто противоположное) в понимании целей и пределов борьбы и среди „завших и понимавших“, то и выйдет, что одни из нас воевали за одно, другие — за другое. Не было у Казачества точной и общепринятой положительной программы борьбы.

Это отсутствие своей ясной программы в прошлом принесло нам много зла.

Козаки были и суть прекрасным военным материалом, они могли создать непобедимую военную армию, но политически они были неискушены, как дети. И, прекрасная боевая сила в борьбе вооруженной, — в борьбе политической потерпела поражение.

И, наоборот. Большевики в начале войны в боевом отношении были больше неорганизован-

ной толпой, но в отношении политическом дело обстоит у них гораздо лучше. Что касается идеологии, — у них все было ясно: каждый из них прекрасно знал не только против кого, но, что более важно, и за что он воевал.

Наше военное поражение обусловилось сначала нашим политическим поражением. Победила политика.

Вот почему нам, готовясь к будущей освободительной борьбе, необходимо сейчас уже думать о надлежавшей своей политической организации, которая должна идти впереди всякой другой организации и работы.

Вооруженная толпа не представляет большой военной силы. Точно также толпа, хотя бы и с одинаковым политическим настроением, не является большой силой политической. Настроение, пожалуй, у большинства казаков одинаковое. И наша общая очередная задача: из политической толпы казаков создать политическую армию Казачества.

Мы, политические эмигранты Казачьих Земель, прекрасно видим роль политических партий в жизни отдельных государств Европы; мы видим здесь, что участие народа в государственной жизни везде осуществляется через политические организации.

Так если для того, чтобы управлять государством, его гражданам нужна политическая организованность, то тем более нужна она нам для того, чтобы освободить наш народ из под чужого ига и восстановить свою государственность.

В начале борьбы, когда только начиналась война с большевиками, мы, пожалуй, лучше знали то, чего мы не хотели, чем то, что хотели. Потому то и был возможен в прошлом гибельный „союз“ Казачества с Добрармией. У нас и у них был общий неприятель, но цели борьбы с этим неприятелем у обоих „союзников“ были не только разные, но часто прямо таки противоположные. И т.к. казачество политически не было организовано, то потому только командование Добрармии и могло так „успешно“ воевать с государственностью Казачьих Республик, а часто подсовывать казачеству и свои цели и задачи борьбы, навязывать ему свою идеологию и волю.

Отсюда следует, что Казачеству нужно сначала вырешить за что ему нужно бороться, а тогда само собою будет ясно против кого надо или придется бороться. Тогда легче будет решить, кто друг и союзник, а кто враг.

Исправно найти и правильно определить цели нашей борьбы важно не только для нас, эмигрантов. Может быть еще более важно это для тех, кто находится сейчас там, где пресекается смертью всякое проявление свободной мысли, где наши братья не имеют и тех возможностей свободного обмена политической мысли, каким располагаем мы здесь.

Как бы ни трудна была наша эмигрантская жизнь, мы все же должны взять на себя

эту задачу — своевременно дать ясные и исчерпывающие ответы на все „проклятые“ вопросы нашего недавнего прошлого и настоящего.

Надо поставить перед собою только вопрос о том, какую огромную помощь могла бы принести казачья эмиграция тем, кто борется там, если бы она оставила в стороне некоторые мелкие споры между собою о деталях на то мирное будущее, которое верим, не за горами, а сейчас сговорилась бы между собою по вопросам большим и основным. Один такой сговор был бы уже большой моральной помощью туда. Там, ведь ждут от нас помощи. Они вправе не только рассчитывать, — они имеют право и требовать ее от нас.

А для нас самих разве не важно правильное решение поставленных вопросов?

Одно дело — прийти домой „в одиночку“, ничем не связанными идейно; принести туда только муку и боль своей души, которых там и без того достаточно. И другое дело — вернуться политически организованными, подчиненными одному общему плану работы, прийти так, чтобы каждый из нас не только знал там свое место, но и то, что делать ему на этом месте.

Какие же формы политической организации нам выбрать?

В тех странах, где народ живет свободной политической жизнью, где он участвует в организации власти и управлении государством, там политическая практика давно уже выработала и формы политических организаций граждан. Это — политические партии.

У казачества все равно на Дону, на Кубани или на Тереке, своих политических партий в прошлом не было. Нет их там и сейчас, как не создались они и среди казачьей эмиграции.

Думаем, однако, что пришла пора создавать казаким свои политические организации. Совершенно очевидно, что будущая наша политическая борьба без политической организации немыслима и невозможна, иначе она была бы такой же „дикой“ и неудачной, какой во многих отношениях она и была уже в прошлом.

Считаем, что было бы не целесообразным выбрать нам сейчас партийные формы организации донского, кубанского или терского казачества. Партии объединяют граждан одной страны или одного государства, имеющих не столько общие политические, сколько общие социальные интересы и идеалы. Перед нами же стоит сейчас исключительно политическая задача: задача освобождения наших Земель от оккупантов-завоевателей в первую очередь. Нужно наперед получить самую возможность свободного строительства своей государственной и общественной жизни, а тогда уже дойдет дело и до создания политических партий.

Теперь же и здесь, имея в виду предстоящие нам задачи, нужно ставить на очередь дня политическую организацию казачьей эмиграции в форме союза — Союза Вольного Казачества. Нам нужна сейчас организация на это переходное время. И творя политическую организацию,

нужно создавать не только политическую идеологию но и точно и ясно формулировать стоящие перед нею практические задачи ближайшего будущего.

Нельзя сейчас увлекаться или подробно останавливаться на деталях. Мы еще раз в свое время остановимся на основных моментах программных положений донской, кубанской и терской организаций В. К., в самых общих чертах изложенных уже в первом номере „В. К.“, точно также, как и на союзном принципе, поло-

женном в основу организации В. К. Здесь же еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что если в будущем мы будем представлять собою такую же неорганизованную человеческую пыль, какой мы были в недавнем прошлом, мы рискуем обречь себя снова на роль, аналогичную той, которая привела уже раз нас в изгнание.

Чем неорганизованнее мы будем, тем мы будем и слабее, а слабые — мы не только не исполним стоящих перед нами задач, но и вообще не отстоим своего места под солнцем.

„Борьба за Россию“ или Борьба за Казачество?

В последнем (14 — 15, январь — апрель, 1928) номере „Вестника Казачьего Союза“, в первой, официальной его части, сейчас же после длинной статьи Донского Атамана ген. А. Богаевского, направленной против казачьей самостоятельности и против Вольного Казачества, помещена его же небольшая, но теплая статья: III. Журнал „Борьба за Россию“, в которой Д. Атаман горячо призывает:

„Помогите же, казаки, „Борьбе за Россию“ шире развернуть свою деятельность: подписывайтесь на журнал, присылайте пожертвования.“

„Борьба за Россию“ вышла из недр бывшего пресловутого, слишком хорошо известного казакам, „Особого Совещания“ при „Главкомандующем В. С. Ю. Р.“. За журналом „Борьба за Россию“ стоит тот же ген. А. Деникин. Одним словом, старая история в новом издании.

Чередой встают мысли: как много и совер-

шенно напрасно положили казаки своих голов под верховным военным водительством Деникина и под идеологической эгидой господ М. М. Федоровых из этого самого „особого совещания“.

— Неужели этого было еще мало? Что же, братья казаки, еще раз хотите попробовать „деникиниады“? Не достаточно-ли и здесь уже, в изгнании, платили вы во всякую „казну“, не достаточно-ли вы „подпирали“ последним грошом своим разные „фонды“? — А видел-ли ктонибудь из вас, хоть какуюнибудь действительную пользу тому делу, на которое давал?

Ныне ген. Деникин признал красную армию. Что же и вы с ним станете в ее ряды, когда... и т. д.

— Не пора-ли все это бросить?

Не пора-ли нам уже думать о своей казне, не пора-ли нам создавать свои фонды на свое дело?

Т. Стариков.

Круг Спасения Дона.

Из глубины веков воскрес похороненный Петром I Войсковой Круг. Осуществилась давнишняя, заветная мечта седого Дона. Но... Казачество не поддержало во-время своего Круга и избранного им Атамана.

Раздался выстрел А. М. Каледина и страшным эхом пронесся по Донской Земле, извещая казачество о сдаче Дона большевикам. Погиб Атаман... часть казаков еще пыталась спасти Дон. Но это была уже агония, конвульсии казачества. Собрался даже Войсковой Круг, избрал атаманом истинного казака, истинного рыцаря Дона А. М. Назарова. Но явился предатель Голубов, разогнал Круг, арестовал Атамана и сдал столицу Дона большевикам.

Наступили мрачные дни. Походный Атаман П. Х. Попов ушел с частью казаков в степи. Дон остался без защиты. На Дону началась дикая оргия большевиков. В Новочеркасске были убиты: Войсковой Атаман А. М. Назаров, певец донской свободы, товарищ атамана М. П. Богаевский, Председатель назаровского Круга, бывший времен. Войсковой Атаман Волошинов; в одном Новочеркасске расстреляно 200 офицеров и 400 граждан и около 200 офицеров по станицам.

„Над головой Донского Казачества занесен был кровавый меч, готовый в любую минуту опуститься ему на голову“.

На Дон надвинулись силы с непримиримым к Казачеству мировоззрением. Большевики потребовали от ка-

заков полного изменения всего уклада жизни в хуторах и станицах. Казаки должны были отказаться от всего, чем они жили раньше, от своего имени, от своей самостоятельности. Большевики проповедывали отказ от религии, семьи, собственности. Глумились и издевались над всем, что Казачеству было святым.

Казаки поняли, наконец, что им грозит уничтожение, поняли и то, что „у большевиков правды нет, а фронтовики увидели, что они обмануты, что большевики под видом служения „интересам трудящихся“, в действительности несут господство над казаками и их уничтожение.

В станицах накопилось чувство ненависти к большевикам и казаки стали готовиться к смертному бою.

Разорванные, разрозненные, без связи, без пропаганды, без какого либо единого центра каждая на свой страх и риск восстали станицы против новых господ.

По Дону восстали Гундровская и Екатерининская; по Дону — Суворовская и Усть-Медведицкая, по нижнему Дону — Манычская. Вскоре к этим станицам присоединились соседи. Поднялся весь Дон.

Какая страшная сила озлобления накопилась у казаков в такой короткий срок против Московской „рабоче-крестьянской“ власти видно из того, что Донецкие станицы крайне обрадовались приходу немцев и обратились к ним за помощью. Представители Екатерининского района также были у них. Казаки только два-

три месяца тому назад были на западном фронте и вели с ними жестокую борьбу, а теперь посчитали их, как своих избавителей. Перелом настроения, прием бывших врагов за друзей и спасителей был в первые мгновения крайне тяжел. Но казачество предпочло немцев новому смертельному своему врагу.

В станице Усть-Медведицкой к концу марта месяца образовался совет „Вольных хуторов и станиц с целью освобождения Дона „от власти чужеземцев“ (Дон. Лет. т. III, стр. 26). Это было за месяц до прихода немцев на Дон. Очевидно большевики признавались, как чужеземцы, как люди иного государства.

В нижней части Дона казаки боролись уже за овладение своей столицей. Вскоре образовался Совет Обороны, который 1 апреля переименовывается во Временное Правительство Войска Донского.

Слухи о восстаниях проникли в степи и оттуда возвратился Походный Атаман. Вр. П-во 10-го апреля послало к нему свою делегацию. 13 апреля он прибыл в станицу Заплавскую — центр восставших. В этот же день ему была передана вся полнота власти.

23 апреля, в результате жестоких боев, был взят Новочеркасск.

Вр. П-во еще раньше озаботилось о созыве Войскового Круга.

Интересен его приказ по этому поводу. Он в сильной форме изобразил всю глубину казачьего разума, широкое понимание государственности и народоправства. „Вами“, (казаками) говорится в приказе „с огромными жертвами и рядом подвигов освобождается Тихий Дон, Вашим же разумом и волею должна быть организована и Власть, избраны люди, способные упрочить казачью победу.

Что может быть возвышеннее и этих слов и этого решения? Во Вр. Донском Правительстве не было, значит, желания захватить власть или навязать Дону свою волю. Все должен был решить сам народ и его разум. Судьба Дона отдавалась в руки самого казачества. В то время, когда еще только изживался великий разброд казачества, для такого решения нужно было особое мужество, особая вера во всемогущество казачьего разума. Сомневаться в этом никто не мог, ибо казаки прекрасно понимали всю пользу народоправства и идеи коллективного разума. Эта форма существовала много веков на Дону, была проверена многими поколениями и на деле доказала всю свою жизненность. К ней и обратился Вр. П-во.

Так создан был „Круг Спасения Дона“, который должен был „установить порядок и законность“. Выборы депутатов должны были быть произведены 23 апреля. Как раз в этот день был занят Новочеркасск. Вр. П-во приехало туда, и уже оттуда сделало распоряжение о съезде депутатов на 28 апреля.

Политическое положение Дона оказалось весьма затруднительным: пришли немцы и 25 апреля заняли Ольгинскую и Аксайскую. Таким образом, бывшие враги оказались на территории Дона в непосредственной близости к его столице. А за Доном в это время в Мечетинской, Кагальницкой и Егорлыцкой стояла Добровольческая армия, вернувшаяся из Ледяного похода, и враждебно настроенная к немцам.

Кругу Спасения Дона надлежало не только наладить свои внутренние дела, выбрать Атамана и создать основы для жизни Края, но и разорвать завязывающийся политический gordiev узел.

Круг с честью вышел из этих затруднений. На решение его предположено было поставить четыре вопроса: передача власти законно-избранному Атаману, финансовый вопрос, организация Донской армии и вопрос, связанный с приходом на Дон немцев.

28 апреля собрался „Круг Спасения Дона“ и в этот же день были проверены полномочия депутатов и избран президиум Круга. Председателем был П. П. Янов, товарищами В. Н. Светозаров и Ф. И. Бабкин, секретарем П. Сычев. На Круг съехалось 130 чел. из освобожденных, ближайших к Новочеркасску станиц.

29 апреля Круг Спасения Дона открыл свои заседания в здании судебных установлений и приступил, прежде всего, к „Германскому вопросу“ и организации на Дону постоянной армии. По первому вопросу решено было послать на Украину особое посольство, которому поручалось узнать отношение к Дону самой Украины, а также у самих немцев осведомиться о целях вступления германских войск на территорию Дона. Добровольческой армии было сказано, что Верховное Командование всеми без исключения военными силами, действующими на Дону, принадлежит Войсковому Атаману, что отношение Дона к немцам — благожелательное. Иного ответа Круг дать не мог. Нельзя было допустить, чтобы на Земле Войска Донского параллельно действовали две независимых друг от друга армии, могших преследовать различные цели. Добровольческая армия осталась верна союзникам, Донское же Войско должно было подчиниться силе обстоятельств. Оно не могло выступить против немцев, вследствие крайней слабости своих сил. Да кроме того, немцы оказали и продолжали оказывать огромную поддержку в борьбе с большевиками. И если бы Дон тогда вступил в союз с ними, то был бы очищен от красных в две недели и может быть не пришлось бы пролить так много казачьей крови.

По вопросу о создании армии решено было восстановить дисциплину, недопустить комитеты и каждому воину одеть принадлежащую ему форму. Детали должен был разработать штаб Походного Атамана.

Была разработана финансово-экономическая часть.

Кроме того, Область Войска Донского объявлена была Кругом Спасения Дона самостоятельным государством. Это решение положено было в основу для создания Донской конституции на Большом Войсковом Круге, созванном в августе месяце 1918 г.

Всех не казаков, участвовавших в защите Дона, решено было теперь же принять в казаки, а казаков, бывших в советских войсках, — лишить станичными привилегиями всех казачьих прав.

По вопросу об организации краевой жизни решено было, ввиду сложности и тяжести создавшейся обстановки и необходимости быстрых разрешений выдвигаемых жизнью вопросов, создать твердую единоличную власть. Войсковым Атаманом был избран генерал Краснов. Ему и была передана власть на Дону.

В его докладе, в пункте 5, между прочим, говорилось: „По обстоятельствам времени и в целях успешной борьбы все, кто против большевиков, должны быть нашими союзниками“. Этот доклад был одобрен Кругом.

Кругом Спасения Дона были приняты основные законы Всеволодского Войска Донского, куда вошли его решения об атаманской власти, о вере, о правах и обязанностях казаков и граждан Войска Донского, о войсковом суде, о Донском флаге, гербе и гимне. Все это уже являлось свидетельством самостоятельного государственного существования Дона. Свои полномочия Круг Спасения Дона рассматривал как временные и поэтому решил в ближайшем будущем созвать Большой Войсковой Круг, который бы и выразил всю волю Донского Казачества.

В заключение необходимо отметить, что на Круге Спасения Дона участвовали лишь ближайшие к Новочеркасску станицы и тем не менее авторитет его признан был всем Доном, решения его были приняты, как закон всем Доном, без всяких оговорок. В этом выявилась спайка Донского казачества, его глубокое понимание всей тяжести создавшегося положения и необходимости полного единения. Главная задача заключалась тогда в том, чтобы сбросить ненавистное иго пришельцев, чтобы спасти Дон и Казачество от порабощения и гибели. Этому главному казаки смогли подчинить все второстепенное. В этом и заключался весь тогдашний успех (как в том же может заключаться он в будущем). Работа тогда закипела. Дон был очищен от порабощителей. Казачье имя и честь были спасены.

■■■■■■■■■■

О. Долинский.

Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.

III.*)

В предыдущих двух главах мы видели, как в течение прошлого и в начале этого столетия создавалась психология национального сепаратизма среди австрийских и русских угнетенных национальностей, два главных представителя которых — Чехи и Украинцы — тщетно, хотя и самоотверженно, боролись с государственным централизмом, отстаивая национальный автономизм и политический федерализм.

Венское и петроградское правительства были явно враждебны этой федералистической пропаганде. Немецко-мадьярская гегемония в Австро-Венгрии, а русская общественность в царской империи — в лучшем случае были равнодушны к этим политическим выступлениям своих „негосударственных“ наций, чаще, однако, занимали определенно враждебную и непримиримую позицию к этим их стремлениям.

Послеволюционная реакция в России с конца 1906 г., с ее явно националистическими и централистическими тенденциями, создала благодарную почву для окраинного сепаратизма. Это признает, напр., проф. Миллюков в своей парижской лекции „*Le fédéralisme et la démocratie russe*“ (1927), — констатируя, что благодаря новым противинородческим гонениям столыпинской эры, был „пропущен момент, когда примирение было еще возможно“, и что эта политика национальных преследований вызвала „большое возмущение среди инородцев“.

Как мы уже видели выше, февральская революция в России не справилась с национальною проблемою на Востоке Европы, невольно содействуя повышению сепаратистических настроений среди окраин, где во время войны и в связи с нею вопрос об отделении и политической независимости — переходит из сферы утопических мечтаний в область реальной возможности и досягаемости.

В Австро-Венгрии, — этот вопрос силою фактов был решен в направлении полной независимости угнетенных народов. В России после большевицкого переворота с одной стороны, окраинный сепаратизм проявился, так сказать, явочным порядком, а с другой стороны, сначала хитро, затем насильно его естественное развитие было задержано и парализовано советскою политикою, от лозунга национального самоопределения „вплоть до отделения“ в теории, — докатившейся на практике, по правильному замечанию проф. Миллюкова, — „до старой царской традиции“. Проф. Гронский — автор интересного доклада „*Le fédéralisme soviétique*“ — в цитированном уже парижском цикле лекций о проблемах федерализма в современной Европе**) — следующим образом характеризует суть большевицкой национальной политики: „Советский федерализм не представляет ничего иного, кроме довольно грубого механизма, предназначенного отнюдь не для защиты отдельных республик, но для их уничтожения. Идея федерации целиком отстранена и заменена системой централизма, действующего под покровом предписаний „федеративной“ советской конституции“.

Повидимому, это хроническое возвращение к традиционному централизму даже большевиков — отнюдь не случайное, — будучи вполне естественным проявлением русской политической природы, создававшейся столетиями в удушливой атмосфере государственного абсолютизма.

„Единонеделимческие“ настроения среди большинства русской эмиграции, стыдливо и не всегда удачно маскируемые в либеральных и передовых ее кругах, не совсем искренний и вынужденный федерализм в немно-

численных ее группах, — явно враждебное отношение всей русской эмиграции *en masse* и без различия политической окраски — к сепаратистическим стремлениям быв. русских окраин, — еще не отделившихся или снова поработанных, — все это говорит в пользу выше высказанного предположения и психологически оправдывает недоверие инородцев к Москве, как и их политику национального сепаратизма, в настоящее время и пока единственно гарантирующую возможность полного осуществления их права на самоопределение.

Мы сознательно подчеркиваем слова — в настоящее время и пока, желая таким образом отметить относительность сепаратистической политики освобождающихся народов центральной и восточной Европы. Ясно, что в наше время, — когда повсюду чувствуется необходимость широких политических объединений в материковых масштабах и когда поэтому, даже вчерашние матерые централисты начинают подетски лепетать о необходимости федерации, думая, хотя таким путем сохранить свою заветную „единонеделимческую“ мечту — сепаратизм самоопределяющихся народов — в большинстве случаев и по числу населения и по величине территории небольших — может быть только временным этапом на пути к новым формам международного сожительства и союзного типа государственных объединений.

Повидимому, и старая Европа идет к осуществлению великой идеи Соединенных Штатов. Проект Пан-Европы это и программа и идеология, как реализовать ее в западной части нашего материка. Евразия — это своеобразный опыт конструкции нового политическо-культурного континента между чистой Европою и чистою Азией. Сомнительно однако, чтобы — восточно-европейские инородцы — могли принять евразийскую идеологию, сознательно антиевропейскую в то время, как культурно б. русские окраины — естественно тяготеют к Европе и политически могут достигнуть своих жизненных целей, идя по пути европейского демократизма и помня, что национальное пробуждение, возрождение и самоопределение г. наз. — „неисторических“ народов — не было бы мыслимо без демократии, являясь законным ее детищем...

Паневропа, Евразия, Европейские Соединенные Штаты и т. п., — это во-первых, музыка будущего, может быть не весьма далекого, но во всяком случае не завтрашнего дня; а во вторых — осуществление этих грандиозных планов лучшим и наиболее целесообразным образом возможно будет только при условии, что новые союзные формы международных отношений и сожительства — будут результатом добровольного соглашения вполне независимых и равноправных политических и национальных образований, т. е. самостоятельных государств.

Вот почему с точки зрения исторического прогресса приходится признать решение этого вопроса на территории быв. Австро-Венгрии более правильным, чем в пределах покойной царской империи.

Развал Австро-Венгрии и возникновение самостоятельных государственных новообразований на ее месте, — это наиболее целесообразный и даже экономный путь к воссозданию в будущем Дунайского государственного Союза. Десять лет достаточно было для того, чтобы подготовить почву для реального осуществления этой идеи на демократических началах. Сейчас против нее — только Венгрия, все еще мечтающая о рензисии Трианонского мира и о восстановлении для Цислайтании *status quo ante bellum*.

Очевидно, что если бы о будущем австро-венгерских инородцев решало венско-будапештское учредительное собрание, — то над Центральной Европой свирепствовала бы по сию пору — или немецко-мадьярская националистическая диктатура, или большевицкий режим венско-будапештского происхождения.

*) Опечатка. В предыдущей статье, в № 11 „В. К.“ стран. 13, в стр. 40 сверху вместо „перенесений“ читать перипетий.

**) Книжно опубликованных в сборнике: *L'Europe fédéraliste — Paris. 1927.*

Необходимости именно такого решения австро-венгерской проблемы прекрасно понимают австрийские и мадьярские передовые политики, приверженцы идеи н.з. дунайской федерации, реально учитывающая огромное значение государственной независимости для поработанных народов, путем сепаратизма осуществляющих свое право на национальное самоуправление.

Один из них — б. мадьярский министр П. Сенде, — теперь эмигрант — в своем докладе из цитированного уже тут парижского цикла лекций о федерализме — „*États danubiens et fédéralisme*“ — говорит по этому поводу: „Огромные преимущества политической независимости позволяют им (т. е. инородцам, О. Д.) забыть финансовые и экономические ущербы, вытекающие из их сепаратизма“...

Сенде ясно понимает все преимущества дунайской федерации для центрально-европейских народов в сравнении с теперешним их положением. Но он не менее хорошо понимает, что еще не настал час для ее осуществления и поэтому дает хороший совет ее приверженцам: „не заниматься ею теперь“, т. е. выждать время, когда эта идея будет реально-политической.

Ничего подобного, к сожалению, нельзя констатировать в русских настроениях по отношению к Востоку Европы. Русское общественное мнение всех направлений и толков мало что забыло и еще меньше чему научилось из исторических уроков после 1914 г.

Оно, поскольку явно или тайно не мечтает о *status quo ante bellum* в национальном отношении на территории б. России, — ведет ожесточенную кампанию против окраинного сепаратизма или, не выжидая соответствующего времени, хочет во что бы то ни стало октроировать на Востоке Европы — федерацию, запугивая инородцев, в случае их упорствования в сепаратистической крамоле, — всеми земными и не земными катастрофами, а в крайнем случае русским кулаком, который придвинет Москву снова к морям*).

Печальным недоразумением, характерным для левых кругов русского общественного мнения — с одной стороны и дезориентированных инородческих эмигрантов тоже левого толка с другой — является недавно осно-

ванная в Праге „Социалистическая Лига Народов Востока“. Как источник идеологической пропаганды — она запоздала по крайней мере на полвека и должна бы была появиться тогда, когда для защиты интересов плебейских народов Востока Европы Драгоманов тщетно призывал русских социалистов и революционеров. Но в то же время реально политически она преждевременна и могла бы быть с некоторым расчетом на успех основана только двадцать лет после того, когда б. русские окраины, сбросив с себя большевизм, — просуществовали бы по крайней мере десять лет независимой жизнью, как их австро-венгерские коллеги после 1918 г.

У национального сепаратизма, конечно, есть и темные стороны. Никто их не отрицает. Инородцам они прекрасно известны. Но ведь сепаратизм не идеал, — а только путь, этап — к дальшим высшим формам политического зодчества, который, однако, неизбежно должен быть пройден, чтобы крепче и устойчивее были те основания, на которых будет построен новый мир воистину освобожденного человечества, как гармонического синтеза самоопределившихся и независимых народов.

Было возможно в свое время избежать этого тернистого пути революционного сепаратизма. Инородцы — русские и австро-венгерские делали все возможное в этом направлении. Господствующие нации обеих этих покойных империй не в праве поэтому пенять и попрекать свои б. окраины в национальном сепаратизме, принудивши их стать на этот путь своим безудержным централизмом и политическим империализмом.

Теперь даже к федерализму дорога ведет через сепаратизм, т. е. — национальную независимость самоопределяющихся народов. Те господствующие нации, — которые пропустили все предостережения истории перед 1914 г. — должны, наконец, понять это. И чем скорее, и поскольку они это поймут, тем меньше будет ирландизаций и балканизаций какими они пугают, в тем-быстрее Европа сумеет осуществить свой великий идеал — Соединенных Штатов, ликвидируя, таким образом, бесконечные национальные распри нашего времени реализацией величайшего лозунга современной демократии, т. е. права всех и каждого народа на национальное самоопределение...

ционального сепаратизма. Эта книга написана с русской точки зрения. Она была бы более объективной и выиграла бы, если-бы автор трактовал затронутый в ней большой вопрос с восточно-европейской точки зрения.

В. Глазков.

Два пути.

„Гей, навались на Казачество Вольное!“

Герои „кадетского союза“, апостолы „федерализма“ и ориентации на российские партии начали новую против нас кампанию. Эти господа окончательно перестали стесняться.

Старые деятели, показавшие уже однажды свою политическую несостоятельность, ставящие Казачество на задний, „служилый“ план, делают свои последние усилия, напрягают все свои старческие силы, пускают все свои резервы на борьбу с казачьей самостоятельностью. Они сейчас изо всех сил своих стараются показать свой товар „лицом“, но тщетно: они могут показать лишь оболочку, а сердцевина этого старого дерева выедена, старое дерево уже подрублено под самый корень современными растущими требованиями жизни. Это видно по тому разброду и неуверенности, которые царят в среде „обрусевшей“ части старого поколения, в среде некоторых старых политиков, смотрящих на Казачество глазами дореволюционной действительности, вычеркивающих из своей памяти всю новую эпоху.

Эти „политики“ попрежнему сидят на „букве ветхого завета“, это — представители течения, историче-

ская роль которого уже сыграна, это наследие принадлежит к той вымирающей части русской интеллигенции, которая только вредна для развития будущей жизни Казачества, а может быть и самой России. У них до сих пор не хватает смелости поставить во весь рост вопрос о коренной переоценке ценностей. Они пытаются обойти его со стороны, хватаясь за заново переизданный материал, преподнося его казачеству под соусом „заграничного федерализма“ или „небольшой автономии“. Эти „главари“ пока еще сохраняют за собой в силу инерции в обстановке зарубежья небольшой круг общности, но они уже не способны вдохнуть молодежи идею борьбы, идею служения казачеству, они сами проникнуты мрачным скептицизмом, давно потеряли веру в себя, в свое дело, веру в казачество.

Некоторые деятели уже идут на примирение с большевиками, они уже признали красную армию русской и недалекого время, когда они признают и советы национально русскими, после чего будет их „триумфальный“ везд в Кремль, но не в Черкасск.

Моральная „изношенность“ старых деятелей велика.

Те, которые заседали на Войсковых Кругах, которые вырабатывали государственные законы, принимали национальный гимн, флаг, принимали присягу служить только Казачеству, ныне заявляют, что все это было временно, случайно, тактика. И присягу приносили временно?! Принесены в жертву огромные материальные средства, пролиты реки казачьей крови и слез и за что?! — За „тактику“ сих господ. Лучшие сыны Казачества положили свою молодую жизнь за его только временную, случайную свободу?!

Сейчас одна часть из этих господ призывает заработанные казачьим потом гроши вносить в казну Николая Николаевича, другая — в фонд „Борьба за Россию“. Возвращаются снова к старым ошибкам, благодаря которым мы и влачим свое существование за рубежом.

Но есть еще небольшое видоизменение их — „заграничный федерализм“. На этот „федерализм“, милостью Божией и русского народа, особенно падки наши казачьи демократы из российской кадетской партии. Это лица, которым ясно и определено представителями русской общественности было сказано на конференции кадетской партии на Юге, что федерализм не приемлем для России, что это „книжное измышление“.

Эти „демократы“, до сих пор не уяснили, что в истории изжитые стадии не повторяются, что то время, когда искренним стремлением к федерализму можно было привлечь к себе сердца, миновало безвозвратно, ушло в область преданий.

Федералисты-демократы выступают с разрешением вопроса по своему, минуя историческую дорогу, забывая, что „образование федеративного государства предполагает существование сторон, желающих федерироваться, что все подобные объединения происходили до сих пор одним способом — независимые государства договаривались и федерировались“ (Жордания). Конечно, „Российская федеративная демократическая республика и свободное казачество в ней“ — концепция очень „заманчивая“, особенно для тех, кто слишком слабо эволюционирует в эту сторону от „Единой, Неделимой“.

Но никто из русских не желает пока федерироваться с нашими „федералистами“.

Некоторые наши старшие „политики“ втягивали и опять втягивают казачество в партийную борьбу за всероссийскую власть, приносили его в жертву, ради благополучия Единой и Неделимой, — для одних с монархом, для других с президентом, но в обоих случаях враждебной к Казачеству. Казачество же для них было лишь средством для достижения своих целей. Результаты их политики на лицо: мы — в изгнании.

Старые деятели все свои усилия направляют к тому, чтобы во что бы то ни стало подчинить своей воле и неизвестно Казачество на роль слепого орудия в своих руках.

Нужно заранее поставить вопрос: за что казакам

бороться в дальнейшем, а не верить в лживые формулы: победим большевиков, а потом разрешим все споры. Они для себя все вопросы заранее решили, а Казачество им нужно, как бесформенная масса. Обманчивы „надежды“ сих „простодушных“ политиков, полагающих, что мелкими шажками Казачество придет к новой жизни для одних „федеративной“, для других „с небольшой автономией“.

Мы, выполняя свой долг перед Родными Краями, обязаны разъяснять самым широким слоям казачества подлинный смысл этих политических „комбинаций“, чтобы эти слои сами стали активными участниками политики казачества. Мы совершили бы преступление, если бы мы несвоевременно сигнализировали о тех сдвигах и поворотах, которые наметились вокруг российского окружения Казачества.

Теперь, когда мы по настоящему приступили к разворачиванию нашего казачьего дела, к работе возрождения казачьих государств — старые „политики“, ставящие вопрос о Казачестве на задний план, есть тормоз в нашей работе.

Истерические вопли о „самостийной опасности“, которые испускает русская и в союзе с ней и наша демократическая пресса, достаточно ясно показывают в чем здесь гвоздь. Теперь с большей резкостью обозначились два пути — путь возрождения казачества, экономическое и духовное развитие его, и путь „правителей и управляющих“ казачеством — для охраны казаками русского народа от „нашествия иноплемеников“ и „отеческой“ порки плетью, на тот случай, если бы русский народ восстал против своей будущей „горячо-любимой“ государственной власти.

Теперь в жизнь казачества внесена полнейшая ясность, проведен ясный водораздел между этими двумя путями. С одной стороны мы имеем иллюзии всех российских эмигрантских группировок с неременной „высокослужебной“ ролью Казачества в будущей Неделимой; с другой стороны — ряды Вольного Казачества, с действительным стремлением к осуществлению казачьих прав и свобод. Нет основания, особенно нам, опасаться возрождения казачьих государств; они существовали и показали уже свою жизнеспособность.

Теперь каждому казаку необходимо вырешить вопрос не только против кого, но и прежде всего, за что бороться и выбрать один из двух указанных здесь путей.

Ориентация на себя, надежда только на свои силы — вот что устроит нам нашу жизнь, если мы хотим ее строить сами.

Пора оставить служение соседу, когда и свою хату нужно строить.

Необходимо раз и навсегда запомнить, что только в самом казачестве кроется залог успеха грядущей свободной жизни Казачества.

Д-р С. Федоров.

Донцы в наследии Чингис-Хановом.

(Окончание*).

В татарские времена население Дона пользовалось большой свободой и сохраняло полную свою внутригосударственную независимость.

По установленным Чингис-Ханом порядкам, во всех Землях, входивших в состав его империи, вводилось однообразное административное устройство, в основу которого было положено число 10.

Нормально население давало в войско десятого человека; подать хану от населения податного составляла десятую часть его доходов. Те же племена или области, которые, по свойству своего характера, несли только военную службу, а не тяглую, в казну хана никакой подати не платили.

На последнем положении были и Донцы. Им за

*) См. № 11 В.К.

услуги, не входившие в отправление военных обязанностей, ханы выдавали даже особое вознаграждение.

Из ханских средств оплачивались перевозчики, переправлявшие через Дон, на Татарском перевозе, послов, путешественников, купцов и т. п. лиц, проходивших по шедшему там почтовому тракту в ханскую ставку.

Донцы вели полукочевой образ жизни, не строя себе больших городов и крепких зданий из-за военных опасностей. Они жили в землянках, шалашах и турлучных домах, покинуть которые, в случае нужды, было не жаль и оборонять которые не имело смысла. Линия городов проходила севернее Переволоки. По Хопру, Вороне и всему Червленому Яру жило население более оседло и густо, но населенные пункты все же были значительно разбросаны и удалены от Золотоордынского центра; по крайней мере, об этом свидетель-

ствуют церковные антимины церквей Подонской епархии, которые, из-за отдаленности, не могли быть освящены самим епископом.

Посетивший Подонье в половине XIII в. посол короля французского к хану, описывает Край как чрезвычайно красивую местность, с прекрасными лесами и реками, дающими массу добычи; по нем он ехал от переправы на Дону до Волги через Переволоку десять дней.

Донцы мужчины, по его описанию, мужественны и храбры, отличные воины, закаленные, выдержанные и неприхотливые, нетребовательные для себя, но заботливые о своих семьях, женах и дочерях.

Женское же население он называет даже щеголихами — их платья оторочены дорогими мехами; головные прически они носят такие же, как и у него на родине, в Париже.

Ясно, что жившее под покровительством строгих законов Чингис-Хана донское население, никем не тревожимое и не обижаемое, могло благоденствовать и быть зажиточным. Кроме обычничества и промыслов, оно занималось торговлей, а в последствии и горным делом — добычей серебра, из которого бились „соммы“ — монета, ходившая в Золотой Орде.

Французский посол застал на Дону еще старую монетную систему, общую всей древней Руси — там ходили кожаные деньги: куны, веверицы (белки) и части их — „резани“ с разноцветными клеймами. Но в 30-х годах XIV ст. арабский ученый и путешественник, по дороге в Константинополь, проезжавший через Подонье из Золотой Орды в порт Судак, (в Крыму), с ханшей, дочкой византийского императора, писал о богатых серебряных рудниках, находившихся в одном дне пути от гор. Окака. Город этот лежал на половине расстояния из Орды в Судак. Там выделяли соммы весом в пять унций и он был одарен этой монетой от хана и ханши; эти деньги находили в XIX в. при раскопках Сарая.

Сомм продолжал оставаться монетной единицей и в более позднее время — в XV веке на Дону и в Крыму, в бывших там Венецианских колониях.

Внутренняя организация донцов носила сотенное устройство, как и вообще у всех племен, обязанных исключительно военной службой.

Донцы имели своих выборных сотников; во главе десяти сотен стоял тысячник; десять тысяч сводились в корпус или „тмь“, которым командовал „темник“, избираемый с согласия и ведома хана.

В мирное время военнообязанные люди несли сторожевую службу по охране северной донской границы и охрану почтовых трактов и ямов.

Кроме того, они составляли конвой баскаков — монгольских губернаторов отдельных областей. В землях покоренных баскаки были из татар и находились в качестве комиссаров хана, при князьях и правителях; так было и на Руси. При баскаках содержался постоянный гарнизон, живший в татарских слободках, куда приезжали и татарские купцы.

В землях же союзно-вассальных баскаки были из представителей местного населения; такими они были и на Дону и исповедывали православную веру.

Баскакам непосредственно подчинялись сотники, т. к., собственно, сотня была гражданской административной единицей; высшие же соединения носили исключительно военный характер.

Суд и управа чинились по местным законам и обычаям, не расходившимся с Чингис-Хановым законником, книгой „Яса“. Кроме наказаний смертью, телесных, применялось еще и тюремное заключение. В городках на Дону были свои тюрьмы, в которых всем разрешалось навещать заключенных; посещение заключенных духовными даже рекомендовалось, равно как и посещение больных.

В то грубое и суровое время, при известной чистоте нравов, отношения донского обывательства между собою не всегда бывали мягкими и добросердечными. По крайней мере, окружное епископское послание сарайского архипастыря, на обязанности которого лежала забота о нравственной стороне жизни паствы, уделяет много внимания мерам воспитательного характера. Епископ рекомендует мягкое обращение со слу-

гами и подчиненными, уважение к старшим и начальникам, заботы о больных, заключенных и т. д.

Социальная помощь населению, кроме забот о спасении душ пасомых, лежала на обязанности духовенства. Оно врачевало душу и тело и не только молитвами, но и действительными лекарствами — лекарские обязанности лежали на священниках, что было в духе восточных порядков, где духовное лицо одновременно было лекарем, магом и чародеем. Во время военных походов духовенство следовало за армией и несло также и санитарную службу.

Вообще же духовенство на Дону, в монгольский период, играло большую роль и пользовалось исключительной поддержкой местного населения, дружно стоявшего в обороне своих прав.

*

В истории донской жизни в татарский период церковные отношения 1280-х — 1360-х годов играли весьма важное значение. В это время на Дону происходила ожесточенная борьба за власть между епископами Рязанским и Сарайским; донское население, проявляя ясно выраженный сепаратизм в отношении центрально-духовной власти, поддерживало владыку Сарайского. Целью борьбы был культурный центр донцов — городки с их церквями и монастырями по р.р. Хопру, Великой Вороне и по всей прилегающей местности, носившей название Червленого Яра.

Все земли по р. Дону и его притокам, местность между Доном и Северным Донцем, т. зв. Пк релье (от находящихся там холмов-гребней, называемых реля), входили в состав епархии Сарайской и Порельской или Сарской и Подонской (названия не были первое время твердо установлены), основанной в 1261 г. Епископ ее имел пребывание большей частью в г. Сараяе — ставке ханов Золотой Орды, находившейся на левом берегу Волги, а после того, как в состав Сарайской епархии была включена и бывшая епархия Переяславская, захватывавшая земли б. пограничного княжества Переяславского и в гор. Переяславле. Переяславская епархия была самой древней на Руси Киевской.

Территория Сарайской епархии была чрезвычайно обширна — она охватывала все позднейшие земли: Войска Донского, Запорожского и Слободскую Украину, кроме районов чисто татарских, до самого Крыма и Северо-Кавказских православных митрополий. По всем этим степям жил люд еще „помнивший свою веру и породу“ древне-русскую, по выражению современного католика путешественника.

Это были бродники, берладники, севруки — вольные люди, носившие только разные названия, тяготевшие друг к другу предки вольного казачества.

Само собою разумеется, что когда по восстановлении рязанской епархии в 1283 г., после того, как она в Батыево нашествие 1237 г. была разрушена, бедный рязанский епископ потянулся к богатым церквям и монастырям Подонья.

В татарское время процветала и донская церковь — епископы сарайские владели ханскими ярлыками, обеспечивавшими церковную независимость, как в делах административных, так и в хозяйственном управлении. На церковь шла десятая доходов с земель и промыслов на этих землях. Кроме того, Сарайский епископ не был склонен уступать части своей паствы и по мотивам иного характера.

Население Подонья решительно противилось разрезыванию территории по живому телу и ни за что не соглашалось, не смотря на строгие увещательные послания митрополитов, принимать рязанского епископа и поставляемых им пастырей.

Епископы же Сарайские, чувствуя поддержку населения, не подчинялись или только видимо подчинялись решениям митрополитов и постановлению поместного собора в Коломне.

Одни из них, вследствие несправедливых, по их мнению, решений митрополитов, уходили на покой, другие были низлагаемы, третьи принимали посвящение из рук митрополита Аланского. Последний имел резиденцию в гор. Бездеже (Бездизе — по гречески) на

среднем течении р. Кубани (в районе Усть-Лабы), как это видно по Каталонским картам XIV века.

Патриархи Константинопольские поддерживали централистические стремления митрополитов Русских и в конце концов митрополит Аланский, в половине XIV ст., объявил автокефалию своей древней митрополии, в состав которой вошли также епархии епископов Кавказского и Золотой Орды (Сарайского и Подонского).

Неизвестно чем бы закончилась церковная борьба, если бы на эти земли не нагрянули полчища Тамерлана и Тахтамышы и не смели с лица земли все города и культурные центры Кавказской, Донской и Поволжской территорий, подвластных Золотой Орде.

Пострадало тогда жестоко и Подонье, а по всей северной и Московской Руси появились бездомные люди, нанимавшиеся в батраки, носившие название казачков.

По всей вероятности, автокефальные тенденции взяли бы верх и епархия Сарайская вышла бы совершенно из подчинения митрополиту Московскому. Разгром этих земель привел к ее упадку; городков осталось мало, одна часть населения ушла на север, другая на Яик, третья к порелья — Гребней на Кавказ в малую Кабарду, к религиозно родственному горцам.

Оборона церковного самоуправления всегда являлась отличительной чертой казачества. Впоследствии Войско Донское упорно обороняло свою церковную автономию от епископа и митрополита Киевского, пока, в конце концов, царская власть не сломила упорства казачества и не завела на Землях обыкновенное епархиальное управление.

Описываемый период является одной из самых темных страниц истории донского казачества, еще требующих долгого и основательного изучения. Одно является несомненным, что жизнь его предков не замирала там до конца XIV столетия. События 90-х годов того века обезлюдили Дон, но не совсем. Пострадал Дон и еще немного ранее. После Куликовской битвы, Дмитрий Донской, не смотря на то, что донские казаки, как их уже тогда называют летописи, встречали победителя Мамаю с иконами и хоругвями, вывел с Дона полон на Москву.

Впоследствии донской сосед, рязанский князь Олег, союзник Мамаю и противник Дмитрия, заключил с последним договор, по которому Московский князь обязался отпустить донской полон и не вступать в хоперские городки; это было между 1385 — 1420 г.г.

Никогда, ни при каких обстоятельствах еще не бывало, чтобы все население поголовно покидало насиженный Край; так было у других народов, так было и на Дону. Наоборот, донская эмиграция стала возвращаться домой и уже в половине XV-го столетия на помощь Рязани против татар приходят казаки, а к концу этого столетия и в начале XVI-го, бегство на Дон принимает такой характер, что московский князь приказывает рязанской великой княгине Аграфене ловить уходящих „самодурью“ на Дон и казнить их, или присылать к нему.

Нет сомнения, что донским „колонистам“ не сладко жилось в московском тяглом строе и они возвращались в свои родные края, Отчину их дедов и прадедов, бывшие уже свободными и от татарского покровительства.

Думы и мысли казачьи.

„За измену России и Казачеству.“

Думы вслух.

...Кульминация цинизма. Манифестация застеночного „правосудия“ и красноречивейшее *memento* поклонникам „доблестного служения“ Единой. Не исторический факт из давних времен, на которые мы так богаты в прошлом, но свежая, еще не заросшая рана настоящего. Не просто надругательство над дерзнувшим иметь свое святая святых, но злобное удушение самого стремления к исповедыванию своего Верую.

Казак душою и телом. Священник. Не поп. Честный до идеала. И не потому, что *noblesse oblige*, что на кристальную честность его обязывало положение. Честный потому, что таким родился, что таким его воспитала станица.

Выборный старшина Войска Кубанского, идейный и практический вождь партии „здорового смысла“, казак станицы Новопокровской Алексей Иванович Кулабухов мученически погиб...

— За что?

— „За измену России и Казачеству“.

Надпись эта покрывала грудь повешенного. Ту грудь, где не было ни тени нелояльности к России и ничего другого, кроме беспрдельной любви к Казачеству.

Действительно — кульминация цинизма. Формула признательности Казачеству Великодержавной Матушки великодержавных сынов...

Возмущение для одних и вечный, жгучий стыд для других казаков.

„Царь Иудейский“... на позорном кресте между разбойниками. Сатанинское надругательство над Дерзнувшим — для фарисеев, спасение и жизнь вечная — для уверовавших!..

— „За измену России“... России, разложившейся задолго до „измены“,

„и Казачеству“.

Какому?

Тому ли, что проповедывать свое Верую послало именно его, Алексея Ивановича, а само с оружием в

руках прокладывало путь к Москве через толщу Рязанских, Тамбовских и т. д. оболочек, или чиновным белым ворбнам?

— Этим, последним.

Нарядившись в черески, „статские“ и „тайные“, „превосходительные“ и „высокопревосходительные“ игрались в казака. Ибо, что такое для них казак? — С какого конца его ни возьми — все равно — казак. И сотворили своего „казака“:

Слуга-раб у помещика — козачек-казак. Булавин, Гордиенко, Разин, Некрасов и т. д. — разбойники. Кулабухов — изменник. Лихой ординарец — казак. Смелый, независимый вольнолюбивый станичник — вор и разбойник.

И игра в „казака“ не со вчерашнего дня. И в „казаке“ видели Казака лишь тогда, когда делилась Неделимая. Расползалась по всем швам... А спаяют казачьей кровью едино-делимую, как Смайл Ага — дарами дарят: кому — кол, кому два столба с перекладиной...

— Виси, мол, „за измену России и Казачеству“.

— Не нужен больше.

Формула эта жила за всю историю России и Казачества. Вплоть до Кулабухова.

В мировую войну, например, все дырки казаками затыкали, а чуть что насчет валенок или там масла сибирского, —

— А вы то откуда взялись?

Какая то армия Петра Амьенского. На своих хлебах за Матушку Рассею дрались. К „частной инициативе“ за помощью прибегали:

— Вы не наши.

— Та що ж ми, хіба ж — турецькі?

Вот того — и оно-то. В том-то и беда наша. Бывали мы и „турецкие“, но по договору. И турчин „привітає сіромаху“. А русские — безоговорочно — рабов.

— Признай безоговорочно. Или ты —

„Изменник России и Казачеству“.

И признавали. Даже и здесь, после Кулабухова и Новороссийска, в великую казну трудовые динары и франки посылали, — чтобы и далее быть в „безоговорочном признании“.

А доверия все равно не снискали. Даже и у в рас-
сеянии сущих. Все равно клеймят:
„союзники“.

Все Казачество, с большевиками дравшееся, в ка-
вычки ставят:

„союзники“ —
Как один белый вождь пишет о казаках другому
вождю — красному.

Свой — своему. По душам.

... Не пора ли, братцы, и нам поговорить по душам?
Свой со своим? Не крайний ли час вслух свои думы
высказывать? И точки над и поставить? Не наболела
ли уж до отказа душа казачья?...

Наболела. А стыд, точно червь сосет. Стыд за
самоу нас. — Думы-то у нас у всех одни:
казачьи, — а как дойдет до слов, опять —
старые погудки.

Вот на днях, погибших за Казачество, вспоминали.
Много их было, погибших. И за каждого теплые речи
нашлись. Только председателя Рады, Рябовола, как-бы
случайно, мимоходом коснулись. Да и сконфузились.
А о мученике Кулабухове — ни слова. А знали и зна-
ют, что погиб-то он именно за Казачество. Но без
мишурных привесок Московских из „доблести“, „вер-
ности“, „бессменности и т. д. Погиб, как казак, и только
за Казачество.

И потому о нем мы все еще только думаем.
Но ведь чем дольше в груди вынашивается дума, тем
крепче решение. И память о нем в сердцах казаков бу-
дет жить до тех пор, пока на земле останется хоть
один казак...

Вечная память тебе, дорогой Алексей Иванович!..
Жертва нашей расточительности, своею кровью запла-
тивший за интересы ненавидящих нас.

Ни ты, ни мы не изменяли никому. Но были слиш-
ком широко грудые. Свободные духом — хотели
и других видеть такими же. Мы не учли, что — „рож-
денный ползать — летать не может“.

Мы не учли, что нам по пути лишь с теми, кто
идет в бой, чтобы освободиться, а не с теми, кто
идет за кабалять.

Ты это предвидел и — погиб.

Вечная память погибшему за Казачество!

Вл. Куртин.

В чем дело?

(Окончание *).

Как мне кажется, спор идет о способах борь-
бы с большевиками. Одни говорят, что русский народ
сам сумеет освободиться от большевиков и освобожден-
ная Москва дарует свободу угнетенным окраинам.
„В. К.“ говорит: мы хотим освободить Родные Края и
предоставить им свободный выбор дальнейшего суще-
ствования.

Плохо ли это, или хорошо? Что лучше: останется-
ли у большевиков небольшая территория, или они рас-
пространят свою власть еще на какое нибудь государ-
ство? Будут-ли они существовать и царствовать еще
двадцать лет — или скорое их свержение и предостав-
ление населению полной хозяйственной свободы?

И как же мало верят в хорошую сущность русско-
го народа те, которые говорят, что ранее освободив-
шиеся окраины не захотят совместно жить с русским
народом. Если народ сумеет найти достойную и при-
влекательную форму своего дальнейшего государствен-
ного бытия и выработает приемлемую форму сосущест-
вования с окраинами, то нет основания, чтобы послед-
ние отказались от этого.

Читая и видя поистине „странное раздражение“
русских общественно-политических деятелей при слове
„Казачество“, а тем более при словах о его законных
правах, искренно недоумевашь: уж подлинно ли вер-
ят они сами, что „русский народ обаянием своей гра-

дущей великой культуры сумеет снова втянуть другие
народы в свою орбиту“?

Демократы из „П. К.“ не говорят, как они хотят
создать свою Ф.Д.Р.Р. Видимо, думают, что она с не-
ба им упадет.

А вот такая непротивленческая в отношении боль-
шевиков и такая левая газета, как „Дни“ говорит —
надо бороться с большевиками и пишет:

„Главное — необходимо создать условия, при ко-
торых борьба за демократию становится возможной.
Сейчас в России невозможно мечтать о смене существ-
вующей деспотии сразу совершенной демократией, де-
мократией вообще...“ и объясняет почему: „нет психо-
логических достаточных для нее предпосылок. Их нуж-
но, их придется создавать, воссоздавать...“

Вот именно эту задачу „создавать, воссоздавать“
нормальные условия государственной жизни, „государ-
ственную и общественную машину сдвинуть с мертвой
точки большевизмского гниения“, „прорвать сталинскую
плотину“, по моему, поставило себе „В. К.“. Правда,
оно не собирается возлагать на казаки плечи плано-
тарные задачи и не говорит об устройстве Российского
государства. Но разве это преступление?

„В. К.“ говорит: свободно высказанная воля Ка-
зачества — закон.

Приняв это положение за основное и непреложное
для всякого казака и приведа пример, не невозможный,
зададим казакам-противникам „В. К.“ вопрос: допустим,
Казачество Юго-Востока и другие народы, его насе-
ляющие (при помощи-ли „В. К.“ или иностранного го-
сударства, это не меняет существа дела) нашли в себе
силы и способ и, сбросив большевиков, образовали
Юго-Восточное Государство. При этом случайно или
сознательно, не оговорили „впредь, до...“ Что сделают
руководители „П. К.“ — поедут ли они в это государ-
ство или из своего прекрасного далека объявят его
предателем Казачества и врагом России? А если по-
едут, то с какой целью — с целью ли отдать все свои
силы сильному служению этому государству или же
с целью снова повести казаков на борьбу с большеви-
ками, т. е., если не со всем русским народом, то хотя
бы с частью его?

Думаю, „В. К.“ с своей стороны на этот вопрос
даст исчерпывающий ответ. Также было бы хорошо,
если бы на него ответили без натяжек и туманностей,
а ясно и определенно и другие казачьи круги.

Сотрудник „П. К.“ М. А. Горчуков течение „В. К.“,
как тактический прием, готов принять и говорит: „м. б.,
действительно, более полезно пред'являть „счета“ с
запросом, чтобы было что скинуть в процессе торга с
будущей российской властью: ведь неизвестно (а „Пути
Казачества“ известно), какая она будет, а по истори-
ческому опыту — от ней трудно ожидать должной
об'ективности и справедливости к Каза-
честву. Этого, действительно, нельзя упускать из вни-
мания...“

Но дальше он пишет, что своих законных прав
„Казачество добьется только за „круглым столом“ со-
вета, а не на поле брани...“

Интересно знать, на каком историческом опыте
основана его уверенность, что за „круглым столом“
совета ему непременно дадут эти законные казачьи
права. От кого он собирается получить? Ему прекрас-
но известно, что будущая власть российского государ-
ства не упадет с неба, а составит из тех общественно-
политических, культурных деятелей, в совокупности
именуемых русской общественностью, которая в свою
очередь представлена в различных политических пар-
тиях и группировках. От кого из них Горчуков думает
получить свои казачьи права?

Нам хорошо известно, какие права казаки полу-
чили от большевиков. Знаем, что дали казакам стояв-
шие у власти правые круги и нет никакого основания
думать, чтобы они теперь вспыхнули любовью к Каза-
честву.

Мы слишком хорошо помним 1917 год. Разве он
не был самой свободнейшей, метеором пролетевшей

*) См. № 11 журнала.

эпохой в исторической жизни России? Что-же, получили от нее Казачество свои законные права, свою свободу? Разве не в этом году лучший сын Казачества и первый выборный Атаман Дона А. М. Каледин был объявлен врагом России?

Кто еще может пожаловать Казачеству его законные права? Разве что группа П. Н. Милюкова, послушным исполнителем воли которого, в силу партийной дисциплины, является редактор „П. К.“ В. А. Харламов?

Последний, видимо, преобладающее влияние в будущей российской власти отводит именно этой группе и от нее, вероятно, собирается получить все законные права Казачества*).

Но П. Н. Милюков загадочно молчит и свою казачью программу крепко хранит в тайне. Очевидно, она не так уж выгодна для Казачества. В противном случае его партийные товарищи-казаки не замедлили бы ею воспользоваться.

Так вот, повторяю, от кого же Горчуков думает получить законные казачьи права?

Тот же Горчуков ставит „В. К.“ вопрос: „Как они думают заставить Россию выделить их на свое суверенное хозяйство, или как они думают удержать это хозяйство за собой, если Россия не захочет этого выделения, которое было бы для нее лишней петлей на горле?“

*) Я это говорю потому, что Харламов в своем публичном докладе сказал, что всему левому, социалистическому сектору русской общественности нет места в будущей ФДРР, за что на него метал гром и молнии г. Керенский, хотя после появления „В. К.“ он замолчал и усиленно стал рекламировать „П. К.“. Награда за благонадежность? Характерно!

„В. К.“ говорит: будем бороться. Но почему такое заявление — преступление? Разве борьба за правое дело — преступление? Ведь законность казачьих прав признает и сам Горчуков.

Несомненно, „хотение“ России может быть велико, но разве все российские „хотения“ закон, истина? Ну, а „хотение“ самого Казачества для Горчукова значит ли чтонибудь?

На тему „если“ можно бесконечно разговаривать. Воспользуюсь и я ею и задам два вопроса:

1. Если русская власть за „круглым столом“ совета не даст (она, конечно, „не захочет“) Казачеству его законных прав, а вместо этого мобилизует несколько военных округов против „мятежного“ Казачества, а последнее потребует от него, Горчукова, выполнения клятвы, данной им в качестве Члена Круга, защищать свое Отечество — Казачество, — как тогда поступит Горчуков?

2. „П. К.“ мыслит существование Казачества только в Федеративной Демократической Российской Республике.

Ну, а если на смену большевикам придет другая диктаторская власть, например, власт Маркова II и совершенно „не захочет“ не только слышать о Свободном Казачестве, но и разговаривать с казаком Харламовым?

Что тогда будет делать „П. К.“?

Только не надо отделяться общей фразой, что, мол, ФДРР — наш идеал и что Марков II к власти никогда не придет и т. д.

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Французские и германские парламентские выборы.

На протяжении последнего месяца состоялись парламентские выборы в двух главных государствах европейского континента: во Франции и в Германии. Политические круги Европы ждали этих выборов с интересом и не без некоторых опасений. Оба названные государства переживают сейчас период лихорадочной работы по восстановлению нормальных экономических и финансовых отношений в стране, и оба они работы этой до выборов далеко еще не закончили. Работа эта стала возможной сравнительно недавно. В сущности, всего только со дня заключения известного Локарнского договора и последовавшего затем репарационного соглашения, после которых вчерашние враги — Франция и Германия — более или менее успокоились, перестав ожидать какого либо неожиданного политического осложнения, могущего сорвать налаживающееся внутреннее оздоровление.

От результатов парламентских выборов зависело либо утвердить такое благоприятное положение на будущее, либо сорвать его. Последнее для обеих стран означало-бы экономическую катастрофу, финансовое банкротство и полное расстройство внутренних политических отношений. Для Европы это было-бы величайшим ударом, от которого трудно оправиться. Для коммунистов — мутной водой, в которой можно было-бы с новой надеждой возродить культуру умирающих естественной смертью советских бацилл мировой революции. Понятен потому всеобщий интерес к этим, казалось-бы, нормальным, очередным выбором во французский и германский парламенты.

Особенные опасения вызывала Франция. Правительство Пуанкаре твердою рукою проводившее оздоровление страны и располагавшее значительным большинством в парламенте, в то же время не имело в нем достаточно прочной базы. Большинство это составилось два года тому назад, после того как предшест-

вующий кабинет так называемого левого „картеля“ привел страну к рубежу финансового банкротства. Пуанкаре явился в роли спасителя Франции, и бывшие члены левого картеля, вынуждены были, скрепя сердце, поддерживать его, выступая таким образом не только против других членов того же картеля, но и против своей собственной программы. Роспуск парламента развязывал им руки и предоставлял полную свободу действий. Вторую причиной опасений была непримиримая позиция, занятая по отношению к правительству Пуанкаре, сильной в парламенте социалистической партией. Тревожило также и то обстоятельство, что за последнее время, в явной связи с предстоящими выборами, чрезвычайно оживилась деятельность французских коммунистов, щедро снабженных московскими деньгами. Опасались, что в результате этого, Париж, его предместья, равно как и все крупные промышленные центры Франции станут очагами советской пропаганды и советского влияния. Волновало также и почти полная невозможность учета результата выборов, так как не задолго до своего роспуска, французский парламент принял закон, согласно которому аннулировалась система пропорциональных выборов, а восстанавливалась мажоритарная система, с одним кандидатом на округ, с правом перебаллотировки. А, как известно, эта последняя система дает почву для разного рода неожиданностей, особенно при перебаллотировке, самых неестественных политических соглашений между партиями, желающими во что бы то ни стало провести своих кандидатов.

Опасения не сбылись. Французы — народ рассудительный, французский избиратель отчетливо представил себе положение и голосовал за правительство Пуанкаре, а тем самым и за его программу. Все парламентские группы, которые поддерживали кабинет в его политике экономического оздоровления, вышли из выборов в увеличенном составе; все, что были против, проиграли. В новом парламенте, кабинет Пуанкаре будет иметь твердую базу из представителей центральных партий, а все большинство, на которое он сможет

спокойно опираться в парламенте, по самым скептическим исчислениям достигает 400 депутатов, из общего числа 612. Такого большинства, как кажется, не имело еще ни одно французское правительство за все время существования третьей республики. Особенно сильное поражение потерпели коммунисты. Несмотря на чрезвычайно сильную агитацию, они потеряли около половины мест. В старом парламенте их было 27, в новом их будет всего 14. Выборы прошли спокойно, — не сумели их даже замутить московские агенты. Участие в выборах было рекордное: от 80 до 90 процентов избирателей исполнили свой гражданский долг. Сдержанная, но, быть может, наилучшая характеристика минувших выборов дана самим Пуанкаре. Французский избиратель, по его мысли, подтвердил, что вопросы финансово-экономического порядка в течение нескольких лет должны будут доминировать в политике Франции, что социальные реформы необходимы, но что коммунистические о них представления должны быть отвергнуты самым решительным образом. Победа буржуазных демократических партий во Франции все это обеспечивает; обеспечивает она и продолжение той политики мира в Европе, соглашения между европейскими народами и противодействия советским интригам, которая начата в свое время Локарнским соглашением.

Иной характер имел интерес политических кругов по отношению к выборам в парламент германский. Если во Франции должно было опасаться победы левых политических группировок, то по отношению к Германии дело стояло совершенно иначе. Германские правительства последнего времени, опиравшиеся на центральные группировки парламента, применяли своеобразные приемы для получения необходимого им парламентского большинства. В своей внутренней политике они чаще всего обращались к поддержке правых групп, в то время, как в проведении своей иностранной политики они опирались главным образом на левые, в том числе и социалистические парламентские фракции. Внутренняя политика Германии более или менее стабилизирована, и тот или иной результат выборов не мог бы иметь сколько нибудь значительного влияния на ее будущее. Иначе обстояло дело с политикой иностранной, покоящейся на соглашении с Францией и на так называемой западной ориентации. Ориентация на СССР и на дружбу с Советами в Германии является достоянием не социалстов, как это имело место во Франции, а правых, особенно мощных националистических партий. Это обстоятельство объясняется тем, что в кругах все еще сильного в Германии поместного дворянства живет надежда

на военный реванш, на восстановление погибшей монархии, которая, как им это кажется, может быть реставрирована в грозе боевых бурь при помощи союзного СССР. Поэтому, например, французская даже буржуазная пресса совершенно искренне и единодушно желала Германии победы социалистической партии, ибо такая победа, укрепляя германскую республику, социально не грозила ничем, а в международных отношениях утвердила бы немецкую политику в ее западной ориентации.

Желания французской прессы осуществились. На германских выборах главная борьба произошла между националистами и социалистами, причем между ногами тех и других путались коммунисты. В борьбе этой победителями оказались социалисты, а националисты потерпели значительное поражение. Строгая пропорциональная система германского выборного права несколько смягчила и эту победу и это поражение: националисты потеряли 38 мандатов, а социалисты выиграли всего 18. Остальные утраченные националистами мандаты поделили между собою другие партии. Тенью на социалистической победе является тот факт, что их решительная борьба против коммунистов успехом не увенчалась, и коммунисты не только не проиграли, но уничтожив на выборах оторвавшуюся от них „левую“ фракцию, приобрели новых 19 мандатов. В новом германском парламенте коммунистов будет 50, но рядом с ними будет 150 социалистов, которые, не в пример некоторым европейским их товарищам, являются их жестокими врагами. Для парламента иметь в своей среде 50 московских агентов, конечно, вещь не из приятных, но для страны это не имеет никакого значения, ибо, где-где, а в Германии коммунизм не может ни на что рассчитывать в будущем.

Таким образом и в Германии парламентские выборы, будучи по внешности совершенно иными, чем во Франции, тем не менее указывают на одно: Европа должна в ближайшем будущем продолжать дело внутренней стабилизации, внешнего мира и ориентации на самих себя, а не на появившийся сомнительный „свет с Востока“. Центральные демократические партии германского парламента, бывшие осяю всех правительственных коалиций, вышли из выборов без ущерба, а их политическая линия подтвержденной.

Как и во Франции, формальная сторона образования нового правительства еще не получила окончательного разрешения и в Германии, но тот или иной внешний вид правительственной коалиции по существу дела уже не изменит.

Свой.

Казачья эмиграция.

Приезд Донского Атамана А. П. Богаевского в Прагу.

Вечером 11 мая в Прагу прибыл Донской Атаман А. П. Богаевский. В воскресенье 13 мая им был посещен Пишбармский Студенческий Хутор Общеказ. Студ. Станицы. 12 мая Донским Атаманом был принят Атаман Общеказачьей Студенческой станицы д-р В. А. Кузнецов, который пригласил Атамана на скромную кружку чая и беседу со студентами казаками, проживающими в Праге, на что Донской Атаман дал принципиальное согласие. 16 мая А. П. Богаевский, за отсутствием у него свободного времени, отказался беседовать с казачьим студенчеством.

16 вечером в ресторане „Беранек“ близкими к Атаману лицами был устроен банкет, где присутствовало около 20 человек, в том числе русские.

В следующие дни Атаман навещал почти каждый день сельско-хозяйственную выставку, которая происходила в Праге с 15—21 мая.

23-24 мая А. П. Богаевский предполагает посетить казаков, проживающих в Брно, затем через Братиславу направится в Югославию и Болгарию, где думает посетить некоторые места расселения казаков.

На банкете 16 мая в ресторане „Беранек“ из русских кругов присутствовали проф. Вилков, г. Винничук, князь Долгоруков. Кн. Долгоруков в своем слове, сказанном на банкете, охарактеризовал казаков как разбойников, бандитов, против чего горячо возражал полк. Дронов, сказав, что он не чувствует себя разбойником, а напротив русских „кадет“ считает им очень близкими. После этого выступил казак Гапонов, заявив, что врагами казачества являются галлиполийцы, эс-эры и кадеты, с которыми необходимо бороться. Все выступавшие на банкете казаки высказывали пожелание — занять Атаману лояльное отношение ко всем казачьим группировкам, не вмешиваясь в их разногласия. Против этого горячо протестовал старый „политик“ П. А. Скачков.

19 мая А. П. Богаевский присутствовал на чае, устроенном в столовой галлипольского землячества „Огонек“. Сюда собралось около 40 человек, преимущественно рядовых казаков, прибывших на сель.-хоз. выставку, пражан-казаков почти не было.

Приветственное слово Атаману было сказано Г. И. Долгопятовым, председателем объединения русских земледельцев.

Затем Донской Атаман дал небольшую информацию

о жизни казаков в различных странах, коснувшись и политических настроений казачества.

Здесь, как и раньше, А. П. Богаевский высказал, что если будет царь — казачество ему будет служить, будет президент — ему присягнет и будет напрягать все силы для борьбы за русское дело.

Все великое Войско Донское 1918-19 годов он считает случайным, временным, хотя „оно и имело все внешние, как сказал Атаман, признаки Самостоятельного государства — был свой парламент, был свой президент, своя армия и флот, были свои финансы“. В общем, историческая миссия казачества, по мнению А. П. Богаевского, — служение верховной российской власти. (Казачеству же будут служить, видно, назначенные верховной русской властью лица! В. Г.).

Заключительным аккордом было слово известного ветеринарного врача П. А. Скачкова, который, при виде украшения стен „единонеделимского“ уголка, пришел в умиление и всех вождей „галлиполийского народа“ причислил к лику святых и молился чуть ли не со слезами на глазах на Николая Николаевича и господ: Деникина, Кутепова, Врангеля, Колчака, Алексеева, Дроздовского и т. п. Отсутствовали только казачьи святые и казачьи иконы.

В. Г.

Среди калмыков.

12 мая с. г., в отеле „Беранек“, состоялось Годичное Общее Собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р.

На повестке дня стояли следующие вопросы: 1) Доклад о деятельности Президиума Комиссии за истекшее время; 2) Финансовый отчет и Выборы: а) Президиума Комиссии, Ревизионной Комиссии и Редакционной Коллегии журнала „Улан Залат“.

Перед началом деловой работы Собрание посетил Донской Атаман А. П. Богаевский, прибывший из Парижа. От имени Собрания Атамана приветствовал Председатель Комиссии Б. Н. Уланов.

— Доклад о деятельности Президиума Комиссии за истекшее время делает Председатель Комиссии Б. Н. Уланов.

Подробный финансовый отчет дает секретарь Комиссии Ш. Н. Баинов. После докладов возникают оживленные прения, в которых принимают участие Э. К. Николаев, С. Б. Баянов, Д. И. Ремелев, Э. М. Бурульдушов, С. Б. Балыков и др.

По заслушанным докладам Собрание единогласно принимает следующую резолюцию: „Общее Собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р., выслушав и обсудив доклад о деятельности Президиума за истекшее время и финансовый отчет за 1927 год, постановило: 1) Деятельность Президиума одобрить, 2) Финансовый отчет утвердить.“

Президиум Комиссии на новый год избирается в следующем составе: Председатель — Б. Н. Уланов, заместитель Предс. — С. Б. Баянов, Секретарь — Ш. Н. Баинов.

В Ревизионную Комиссию избраны: С. У. Степанов, Э. М. Бурульдушов и Д. И. Ремелев.

Редакционная Коллегия журнала „Улан Залат“ избирается в следующем составе: Шеф-Редактор — Б. Н. Уланов, Члены Коллегии: С. Б. Баянов, Э. К. Николаев, Д. И. Ремелев и Д. Н. Баянова.

— 20 мая с. г. Донской Атаман А. П. Богаевский с супругой посетил калмыцкую колонию в Ржевницах, где подробно ознакомился с деятельностью Калмыцкой Комиссии, с техническою работою по изданию калмыцких книг и выразил свое искреннее удовлетворение хорошему подбору книг в библиотеке Комиссии. Б.

Из жизни казаков в Сербии.

На северо-восточной окраине, в области Баната, расположены колониями казаки; в колониях насчитываются казаки многих станиц, к тому же разных Казачьих Войск.

По селам они живут группами или же организованными станицами и хуторами. Так, например, в городе

Белая-Церковь насчитывается самая большая казачья станица, в селе Томашевце-Есауловская станица во главе с своим станичным атаманом и вместе с станичным правлением, которое выехало целиком еще с Дону; в ней все казаки одной станицы, кроме „одного“, станицы Потемкинской. По соседству, в селе Уздине расположена станица В.-Курмоярская, атаман которой также выбран еще на Дону; эта станица, в виду большой численности, разбросана и по другим соседним селам, а также и многие другие казачьи станицы разбросаны по всей Банатской области — в Дебельяче, Црепаи и т. д.

Все эти казаки живут почти исключительно черно-рабочим трудом, каждый из них старается, не смотря на преклонные лета, заработать тяжелым трудом насущный хлеб, но из них же оказались и мастеровые: чеботари (сапожники), слесари и бондаря, можно сказать, по правде, каждый казак на все лихи способен, за что бы ни взялся, все будет сделано.

Летнее время записываются на паровые молотилки по молотбе хлеба, другие справляют невода, сети и ловят рыбу. Не всегда работа прибыльна — прошлый год урожай был скудный, а поэтому и рабочий не мог ничего заработать; а рыбаки, если и поймают какое кило рыбы, то негде ее сбыть, в селе же приходится отдавать ее за бесценно.

Другие ходят на поденную работу, которая также дает слабый и малый заработок.

По воскресным дням собираются станичники у своего атамана и вместе думают думушку, думушку свою казачью, вспоминают про батюшку Тихий Дон и эти последние мысли не выходят из их голов. Вспоминают все старое прошлое, а к тому больше всего думают и о будущем и — о Казачестве Вольном.

Наконец, казаки выслушивают своего атамана, который объявляет им каждую неделю полученные бумаги и делится новостями последних дней. Читая письма с Дона, можно увидеть — и слеза блеснет на казачьих глазах.

По окончании беседы казаки уходят поздно вечером по своим временным домам с надеждой, что в следующее воскресенье атаман объявит им весть о возвращении на родину.

Да будет так!

Джигиты в Сербии.

Джигиты генерала Павличенка, после продолжительной зимней стужи и долгих холодных ветров, начали появляться с наступлением весны и весеннего теплого времени по селам Баната.

6 мая с. г. была джигитовка в селе Сечань. Село это чисто немецкое, в нем насчитывается 7.000 населения, — почти все поголовно пришли посмотреть на казачью удаль, про которую они слышали от своих же собратьев, попадавших в Германскую войну в руки смелых казаков.

Группа генерала Павличенка, это одна из самых больших групп, находящихся в Сербии. Группа имеет свою духовую музыку, под звуки которой джигиты джигитуют с большим успехом.

Все, пришедшие посмотреть джигитовку, будут еще долго помнить о казаках, не только помнить, а будут и другим рассказывать о неимоверной казачьей игре.

13 мая джигитовка была в городе Великая-Кишкинда.

Группа сотника Сиволобова думает пополнить свой комплект при выезде в Англию.

Мы, казаки, пожелаем одним и другим станичникам наилучшего успеха в хорошем, гордом деле.

Донцы в Загребе.

Имя лихого Донского атамана графа Платова пронеслось по второй столице Сербии — Загребу.

Пронеслось это имя не только по Загребу, но и по далеким окраинам Сербии из конца в конец, слышали и те, кто далеко удален от этого города, слы-

шали из газет, которые принесли нам, казакам, радостную весть на хорватском языке о приезде хора донских казаков имени атамана Платова.

В особенности хвалили казачью дисциплину, проявленную дирижером Кострюковым.

По окончании концертных песен донцы показали еще себя и танцами — „казачек“.

Свой второй концерт хор Донских казаков дал 12 мая с. г. в этом же городе, ибо на первый концерт много публики, за неимением мест, не попало.

Казак Георгий Алферов.

Казак, собирайте свои песни!

В ред. „В. К.“ прислано следующее письмо:

„Очень Вас прошу: оповестить казаков, желающих записать народные казачьи песни, посылать их на мой адрес.

Я с мыслью собирания и систематизации песен живу давно, но, конечно, я сам (один) это завершить изданием не могу, ибо я здесь обычный „дневничар“ (поденщик) и, ясно, никакими средствами не располагаю. Так хоть материал буду собирать. Пригодится. А я, каждого желающего помочь, прошу записать, что помнит и послать мне, — это не вызовет много ни труда, ни расходов на пересылку.

Ваш Вл. Куртин.

(Адрес: S. H. S. Dalmacija, Slivno, z. p. Kamenmost).

На докладе в О-ве Кубанцев.

Плакаты, повестки и телефонные приглашения на украинском и русском языках зазывали „честной народ“ посетить устраиваемую О-вом Кубанцев в Ч. С. Р. лекцию г-на Петра Л. Макаренко „Кубанские политические группировки и борьба за освобождение“.

Г. Макаренко повторял 16-го мая в Праге свой доклад, прочитанный им 6-го в Подебрадах; там он „Вольного Казачества“ не касался.

Заявлял г. Макаренко и в Праге, что о „В. К.“ он говорить не будет, да не сдержался.

Цель удара его была направлена гл. обр. против кубанских Правительств Иваниса и ген. Науменко.

Докладчик из кожи лез для достижения своих задач перед не совсем многочисленной аудиторией, непрестанно вытирая обильный пот на челе, хотя в зале было и весьма даже прохладно.

„Громил“ он и словами, и „документами“, и цитатами. Доказывал, что оба эти правительства и вредны интересам Кубани и преступны, что каждый порядочный кубанец, а в особенности украинец, должен сторониться их, как зачумленных.

Зато возносил и превознес до небес себя и свою группу, „опановавшую“ Обществом Кубанцев в Ч. С. Р.

„Трудный, очень трудный вопрос остался у меня“, заявил докладчик про „Вольное Казачество“, не хотел, мол, касаться его, хотел вызвать на особый диспут редакцию „В. К.“, да уже коснулся...

Оно и понятно: никого из главарей „В. К.“ не видно — ответить, мол, некому; и... пошла писать губерния!

Только пылкая фантазия искушенного демагога могла „вытворить“ ту чепуху, какую приписал „В. К.“, упоенный саморекламой „вождь“ группы, представляющей „соль земли кубанской“.

Для „объективности“ вспомнил и о своем и своих соратников „сменовеховстве“ 1922-го года. Ничего, мол, и не было, пустячки... Мы, мол, выполняли постановления конференции 1921 года; во имя заветов Рады и интересов кубанской эмиграции, к большевикам на разговор ходили и письмом о возвращении писали.

Досталось еще изрядно украинцам, досталось и Харламову, — одним словом, не реферат, а игра: „всеми недоволен“...

Кончил, предложил задать вопросы, а прения перенести на иной день, в тонком расчете — разойдутся, разнесут, многие снова не придут и убежденные словами кубанского „златоуста“, в его вере сохранятся.

Вышло по другому — по евангельски: поднявший меч, от меча и погибнет. После двух вопросов, аудитория перешла к дебатам.

Начал Григ. Фед. Щербина. — Не прав, мол, был докладчик, — Иванис — правительство и конституционное, а что, мол, бездеятельное, так это другой вопрос, но не этой же группе упразднить правительства и самой становиться на их место.

Не понравились возражения оппонента и ему было дано понять, что существует постановление Общего Собрания О-ва Куб. об исключении членов, поддерживающих группы, враждебные О-ву.

Поднялся „вольный казак“.

„Дивним дивом дивувався“, начал Д-р Федоров, когда слушал, как пан докладчик поносил своих еще вчерашних союзников, которым торжественно, крестообразно протягивал руки, зовя на борьбу с „В. К.“...

— Как, как? — перебил докладчик, не расслышав громкого голоса оппонента.

— „А вот так“, показал последний торжественно символический жест, еще громче повторяя слова перед насторожившей уши аудиторией.

— Не понятно было, к чему докладчик ведет, а теперь и прояснилось — самореклама и реклама своей группы.

— А какая же программа их группы? — Да всего навсего второе издание программы Вольного Казачества, но с запозданием на 3 месяца. О программе этой говорил докладчик 26-го февраля с. г. в другом месте и там ни о какой соборности и речи не было, а все судьбы Кубани имела разрешать Краевая Рада, — совсем так, как у „В. К.“ Докладчик заявлял, что они будут только стремиться к федерации с Украиной на равных началах и будут бороться против присоединения Кубани к Украине, как губернии, но если, мол, Рада решит остаться областью в России, то придется подчиниться и м. б. еще пятьдесят лет проповедывать федерацию.

Докладчик, вспоминая сегодня своих б. друзей, говорил о политических „прыгунах“, а сам со своими присными уподоблялся „политическому флюгеру“, который менял направление по семестрам. Крутился, крутился и докрутился, что остался одиноким, без поддержки какойнибудь украинской группировки или партии; вот и надо было выдумывать и „давать знать“ о себе.

Докладчик упрекал Иваниса, что имел большие деньги и ничего не делал, а ген. Науменко в расточительности. А сам то докладчик и же с ним работали на меньшие или свои деньги?

Мы верим, что люди могут эволюционировать, но как можно верить тому человеку, который меняет свое „направление“ по полугодиям. Вот теперь докладчик распылился за соборность, а в 1917 г., будучи тов. председателем на 2-м Всеказачьем съезде в С. П. Б., был против допущения на съезд украинской делегации — живой свидетель того есть сейчас здесь в Праге.

Оппонент огласил далее часть программы „В. К.“, гласящую о том, что „конечными целями „В. К.“ является создание демократических и культурных самостоятельных государств на территориях казачьих земель б. Рос. Имп. и об'единение этих государств в тесный братский союз. Оппонент процитировал далее основн. полож. программы „К. С.“ „В. К.“.

Для аудитории стала ясной беспочвенность нападок г. Макаренко на „В. К.“

Из всего поведения группы Макаренко, кончает оппонент, видно, что они никогда искренне не стремились к объединению живых сил, а только к раз'единению кубанцев. Раз во главе „В. К.“ стоит „Степан“, а не „Петро“, то значит „В. К.“ „вороже“ и с ним надо воевать.

Аудитория с интересом и большим вниманием слушала спокойную и содержательную речь оппонента, а иногда прорывались возгласы одобрения; противники молчали — крыть было нечем.

После двух защитников докладчика, мямливших о нежизненности идей „В. К.“ и старавшихся очернить де-

ятелей последнего и пояснить, что их „патрон“ не „политический флюгер“ выступил с горячей отповедью г-ну Макаренко, молодой донской казак В. Г. Глазков.

Своей речью он опроверг утверждение докладчика, что ни один донец и кубанец „российского происхождения“ не может искренне быть самостийником.

„Несчастье казачества в прошлом было в том, что часть его пошла за московскими красными комиссарами, а часть за московскими белыми генералами. Успев создать свои государства-республики, казачество не выдержало напора с двух сторон и потеряло свою свободу. Направляемые искушенной рукой казаки с усердием, достойным лучшего применения, истребляли друг друга. И часто казаки бились и бьются между собой за чужие и вредные для Казачества интересы.

Казачество шло чужими шляхами, а своего не находило. Некоторые говорят, что донская самостоятельность скороспела. Нет. Донская самостоятельность ярко себя показала на границах Войска, когда рядовой казак инстинктивно не хотел переступить межи своей Земли и вступать в московские пределы.

Мы, самостийники, ничего не несем нового, но твердо отстаиваем то, что было выработано и создано в Родных Краях — мы держимся своих Конституций.

Если те, кто вырабатывал Конституцию сейчас не следуют Ей, совершая клятвопреступление, то мы Конституцию кровью подписали и запечатали, обильно полив казачьей кровью Родные Земли.

Сейчас докладчик призывает не казаков, а украинцев с Кубани в лоно соборной Украины также, как наши старые деятели призывали в лоно „Единой Неделимой“. Неужели нам надо ходить от одной неделимой к другой?

Да и сами украинцы считают лучшим иметь Казачество своими союзниками, нежели „подданными“.

Казачьи государства существовали и будут существовать!

Докладчик отметил, что „кубанские полки храбры и шашки их остры“. Было бы большим преступлением, если бы мы, казаки, начали проливать казачью кровь.

Каждая капля казачьей крови должна быть драгоценна, достаточно было ее пролито за чужое дело; нам же, казакам, не из-за чего драться.

Что же касается крестьянского вопроса у нас на Дону и на Кубани, то докладчик, конечно, знает из газет, что казаки и крестьяне примирились, что они действуют заодно против оккупантов. Да у нас, казаков, с крестьянами и нет непримиримых противоречий, этот вопрос мы должны решить вместе, сообща, а не с „высшего благословения“.

Все казачьи старшие деятели не зовут казака итти своей дорогой, а хотят, чтобы он тянул чужую повозку. На нас, молодежь, смотрят как на мальчиков, забывая, что мы уже выросли на несколько голов во время искания своего казачьего шляха; молодежь переросла своих „отцов“ и готова по хозяйски выкорчевывать прогнившие старые пни...

Мы казаки и слава Богу, что мы казаки! Горячая речь молодого казака несколько раз прерывалась шумными аплодисментами всей аудитории.

Даже присутствовавший на „диспуте“ Н. Н. Засвидетельствовал г. Глазкову, что он получил больше аплодисментов, чем докладчик.

— „Не я, а идея Вольного Казачества“, скромно ответил донец.

Публика расходилась. Кубанцы подходили к г. Глазкову и благодарили его за искреннее слово.

В Болгарии.

От казаков, живущих в Болгарии, с каждым днем поступают все более и более печальные вести, указывающие на необходимость помощи попавшим в тяжелое положение станичникам.

Вот что пишут из 1 Кубанской казачьей станицы в Болгарии: „Землетрясение произошло как раз в тех местах, где расположена наша станица — села: Папазли, Садово, Пловдивской околии, и города: Пловдив, Чер-

пан, Борисовград, Тат-Пасарджик и Хасково. Все эти места страшно пострадали. Много жертв — убитые и раненные, есть и русские. Ранено также два наших казака.

Города и деревни разрушены, погибло много скота. Легкими толчками землетрясение продолжается и до сих пор — в сутки 2—4 легких толчка.

Все население вышеуказанных мест живет частью в бараках из досок, частью в палатках, но больше под своими домашними чергами (ряднами). Это стихийное бедствие сильно отразилось и на русских, которые везде ютятся под одеялами и чужаками, завезенными еще с Лемноса, конечно, не говорим о столбовых дворянах и таких „единонеделимцах“, которые образовали из себя комиссию и, конечно, первые поустраивали себе бараки и палатки, как первую помощь, полученную от Болгарского Правительства и Русского Красного Креста. Они же устроились получать хлеб и бесплатные обеды, но казаки, хоть днями толкись возле этой комиссии, ничего не получишь. Лишь некоторым удастся получить записку на 500 грм. хлеба в сутки на 5-6 дней, а о палатках или о материале для барачных и не помышляй! Отвечают: „Вы, казаки, привычны и под открытым небом находитесь, вот есть люди интеллигентные, которым необходимо дать, потому что они в дальнейшем будут нужнее Вас“.

И так поговоришь с ними крупно и уходишь.

Все это так, казак то не пропадет, но есть казачки и казачата, которые все пищат, потому что как раз все время продолжаются дожди и резкие холодные ветры с примесью снега. Хорошо еще, что весна, тепло подходит, а что будет осенью, зимой — страшно подумать! Погибнешь от холода и голода — ибо все развалено и безработица.

Первое время Болгарское Правительство удовлетворяло всех пропорционально, но вдруг образовалась „русская лавочка“ и теперь Болгары говорят: „идите в свою комиссию.“ Но, конечно, в комиссии сидят эти все умники, благодаря которым мы изгнаны из своих краев и в настоящее время терпим страшное стихийное бедствие.

В городе Пловдиве наибольшее число казаков станицы: 54 чел.; из них 12 семейных, 9 стариков от 50 до 65 лет, 4 инвалида, 12 женщин, детей — 23. Все терпят страшную нужду. Необходим материал для постройки 4-5 барачных или же 8-10 палаток, потому что зимовать придется на воздухе, выехать же куда-либо не разрешают, да и не с чем. Болгарское население получает, как денежную помощь, так и лесом для барачных, но о нас вообще никто не заботится.

Единственная надежда, что станичники в других странах не останутся глухи к нашей беде и чем смогут помогут нам!

ХРОНИКА.

Прага. — 17 мая, в здании Общ.-Каз. Сельск.-Хоз. Союза, состоялось частное совещание г. г. уполномоченных. Из общего числа 31 уполномоченных присутствовало 16.

После информации председателя ОКСХС. В. А. Харламова и председателя ревизионной комиссии, собрание постановило „признать необходимым созвать чрезвычайное собрание уполномоченных не позже конца июня 1928 г.“.

Из Белграда. — 12 мая, после всенощной, было оглашение о желании вступить в брак нашего сотрудника и казачьего поэта, члена Литературной Казачьей Семьи, казака ст. Новочеркасской, Власово-Аютинского хутора Бориса Александровича Кундрюкова и казачки ст. Николаевской, Дубенцева хутора, Елены Григорьевны Дубенцевой. Свадьба состоится в первых числах июня.

Брно. — В последнее время в жизни казачьего Брно наблюдается значительное оживление. Официальная казачья организация — Бренский Хутор ОКСС наметил издание литературного сборника ко дню пятидесятилетия Хутора, имеющего быть в октябре

с. г. Атаманом Брненского Хутора под личным его председательством составлена редакционная комиссия в составе трех членов и намечен план деятельности. В настоящее время комиссия приступила к работе. Сборник имеет целью осветить жизнь казачьего студенчества в Брне и в других центрах, период искания высшего образования и краткое описание работы казачьей молодежи в средних школах за границей; кроме того в сборнике найдут себе место различные отделы, как то: литературный, исторический и биографический. Политических тенденций сборник себе не ставит. Предполагается привлечь к работе различных видных казачьих деятелей, вне зависимости от их политических *средо*.

Е. Г.

Лист до редакції.

Вельмиповажні панове редактори!

Не відмовте довести до відома читачів і всього громадянства наступне:

16-го ц. м. на лекції п. П. Макаренка, після того як я документально спростував демагогічні наклепи докладчика на ідеологію і програм Вільного Козацтва, виступив п. Кіндрат Плохий.

В своїй промові, намагаючися оборонити докладчика і здіскретувати ряд ідеологів і керманічів вільно-

козацького руху, він сказав, що я керував „Кубанським відділом“ журналу „Пути Казачества“ і писав статті проти українського культурного руху. Все це було сказано, коли я вже не був в салі і не міг сам відповідно реагувати.

Мені як кубанському козакові і вихованцеві українських шкіл і яко проф. стіп. Українського університету в Празі не є цілком байдужим, що про мене распускають вороги Вільного Козацтва.

Ніколи я „Кубанським відділом“ в „Пути Казачества“ не завідував і не лише тому, що не состояв в складі редакції і редакційної Ради цього журналу, а і тому, що такого відділу там зовсім не було.

Неправдою є, що я писав статті проти українського культурного руху, але правдою є, що появлення статтів друкованих українською мовою в тому журналі мело завдячувати моїй праці.

Вчинок п. Кіндрата Плохого ще раз підкреслює, якік безсоромних засобів допускаються закордонні недоучки в боротьбі проти В. К.

Наклепи п. п. Плохих не в силі пошкодити рухові „Вільного Козацтва“, ні тих осіб, які борються за кращу майбутність поневоленого Козацтва.

Д-р С. Федорів (Лантух).

17. V. 1928

Прага.

На Украине.

В № 3 журнала „Большовик“, органе украинской компартии, помещена статья оппозиционера Волобуева об экономическом положении Украины. В своей статье Волобуев, на основании строго цифрового материала, доказывает, что политика Москвы стремится всеми мерами ограничить возможность экономического развития Украины.

В 1927 г. мощность украинских электростанций была в 12 раз меньше мощности станций РСФСР и 2,5 меньше Закавказских. Вряд ли кому нибудь удастся доказать, что эта мощность пропорциональна удельному весу Украины в хозяйстве СССР.

В последнее время в Москве выработаны проекты создания заводов сельско-хозяйственных машин в центральном промышленном районе, в районе со слабо развитым сельско-хозяйственным машино-строением, в то время как на Украине, центре сельского хозяйства, существующие заводы сельско-хозяйственных машин не поощряются к расширению производства. Проект постройки стеклянного завода в Киеве был задержан в Москве в разных „союзных“ инстанциях на три года.

В течение последних четырех лет финансовый баланс Украины был отрицательный, так как значительная часть доходов Украины тратилась за ее пределами.

Существующий порядок утверждения бюджетов превращает так называемые бюджетные права Украины в фикцию.

По пятилетнему плану Сахаротреста ряд сахарных заводов на Украине намечен к ликвидации, хотя эти заводы не дают дефицита, как большинство заводов РСФСР. По тому же плану до 1931 г. мощность украинских сахарных заводов должна быть увеличена всего лишь на 26%, в то время, как мощность заводов восточного района РСФСР на 113%. Наибольший процент увеличения план предусматривает для Курской, Орловской, Тульской и Тамбовской губерний.

В полном соответствии с таким планом вынесено постановление об учреждении Института Сахарной Промышленности в Москве, а не в Киеве, центре сахарной промышленности.

М. М.

В Казачьих Землях.

Краткая хроника событий за две недели.

— Казачья молодежь. Молодежь наших краев плохо поддается большевизации и слабо входит в организацию молодежи, сфабрикованные Москвой. Вопрос о нашей молодежи особенно остро обнаружился на всесоюзном съезде комсомола, где вопросу о работе среди казачьей молодежи было посвящено много времени.

Делегат от Север. Кавказа Тюлков призывал своих со товарищей о скорейшем принятии мер вовлечения в комсомол казачьей молодежи. „Антисоветский элемент, бывшие атаманы и казачьи офицеры, заявил Тюлков, ведут ожесточенную борьбу за влияние на молодежь. Отпор же они получают недостаточный из-за малочисленности в крае комсомольских ячеек и слабости их актива“.

Всесоюзным съездом решено созвать после съезда, т. е. в первой половине июня всесоюзное совещание о работе среди казачьей молодежи и выработать новые методы вовлечения нашей молодежи в комсомол.

— „Дезертирство“. В территориальных воинских частях во время лагерных сборов в последние года повысился процент неявки переменного состава (дезертирство). Подходя к предстоящим лагерным сборам, командный состав Красной армии заранее со всей остротой ставит вопрос о ликвидации неявки, побегов, неисполнения приказаний и т. п. Приняты самые решительные меры, вплоть до расстрела.

— Присяга. 1 и 7 мая красноармейцы нового призыва принесли присягу „народу и революции“.

— В посевной кампании основным лозунгом советов было: „все для бедноты и коллективных хо-

зайств.“ Несмотря на все привилегии колхозам, последние заняли лишь 6 проц. всей посевной площади. Причинами такого малого процента колхозов послужило, по свидетельству сов. газет, слабая работа сельско-хозяйственной и потребительной кооперации. Кооперации замедляли раздачу семян колхозам, давали зачастую недоброкачественные семена, медлили с сел. хоз. машинами, а также искривляли директивы центра, раздавая семена из элеваторов, где зерно было заготовлено для отправки в центр. Многие кооперации раздавали это зерно на местные нужды, за что получили строгие взыскания из центра.

— Строительство на Северном Кавказе разворачивается крайне медленно. Крупнейший в крае строительный трест Сев. Кав. энерг. промышлен. строительства выполнил всего лишь 6 проц. своей годовой программы. Масса предполагавшихся построек еще до сих пор не началось. Все, как строящие так и строительные организации жалуются на крайне медленное прохождение проектов в центре, в Москве.

Из отосланных до апреля проектов в Москве пока рассмотрено только 3. К работе многих построек до сих пор не могут приступить даже при наличии полученного из заграницы материала — центр еще „не разрешил“.

— В области снижения себестоимости продукции, где было предначертано снижение от 7 проц. до 18 проц., явление оказалось, кроме кожного треста, обратное. Сплошь и рядом получилось не снижение себестоимости, а вздорожание, так сахар на 25,5%, горная промышленность на 21,3%, лесной промышленности 9,2%; в среднем вздорожание определяется 6% в течение четырех месяцев.

С Дона.

Письмо, получено от эмигранта, который возвратился на родину с острова Лемноса в 1922 году:

„Простите, что я от вас отказался перепиской, с удовольствием бы всегда писал, но сами знаете почему? Взгляды со стороны местной администрации суровые и пасмурные на нас, эмигрантов.

Новостей бы мог написать много но... прильну язык свой к гортани своему, только стали приходиться к уму да познавать друзей — „товарищей“ лутчих там“...

Май.

Из 2-го Дон. округа.

„ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогие братья, отцы и сестры, живущие в далекой окраине.

Уважаемый В. А., 10 раз разговлялись мы без Вас, 10 раз разливался наш Батюшка Тихий Дон и заливал своими седыми волнами все низкие места и раздолье Донской Страны. На Св. Пасху по Дону шли крыги и погода была холодная, пахоты до Св. Пасхи совсем не было.

Домы из хутора нашего увозят на училища по разным другим хуторам, — десятью домами эмигрантов поделали пустоши, а по этим местам будем делить землю и садить арбузы — добро ездить не далеко будет, а будем арбузы рвать на месте. Словом сказать, наш хутор разбогател — от 300 пар быков осталось 47 пар, от 600 лошадей только 12 лошадей, далеко и ездить бы не начем было за уродившимися арбузами. Аминь.

Письмо это посылаю с берегов Тихого Дона, а так-же передайте поклон всем станичникам и знакомым“.

От ред. Письмо это писано казаком, в дни революции сочувствовавшим большевикам.

Из частных писем.

С Кубані (25 марта). ... У вас там одно горе — журба по Кубані, а такого горя нема, як у нас. Вам і в сні того не бачити, що ми тут переживаємо, та ніде подітись, жити треба. Утіха лише в тім, що в раю жи-

ємо... А ти до дому и не думай, улаштувайся там, тай живи. Кому не скажимо, що ти хочеш до дому, то кожний аж жахається і питає: „Хіба й там так добре жити, як тут, що він сюди звітіть рветься“? Кум І. каже: „Коли б я знав, що отак буде, так я б ніколи з полу-ну. не повернувся, хай би тут були і жінка і діти самі, знаю, що жив би, а не мучився. Але тепер уже не повернеш“...

С Кубані (27 апреля). Из вашего последнего письма видно, что вы, кажется, не собираетесь домой. Оно и лучше, там вы скорее устроитесь. Здесь очень трудно, масса безработных. Л. сократили и она, бедняга, от горя сума сошла. Ее отвезли в город. А ведь это же была лучшая учительница. М. тоже на очереди к сокращению. Д. без места до сих пор. У Маруси один урок да и тот в долг... Праздники прошли как то незаметно, пасок не пекли, да и вообще скудно на все.

Афины (19. IV. 1928). .. совершенно не надо думать о возвращении домой. Вот г. Воропинов, напр., вернулся и попал в тюрьму. Недавно сюда приехал из Екатеринодара один рабочий, что вместе с моим братом-партийным там работал. Рассказывает, что с того времени, как большевики взяли верх, все идет к худшему и худшему. Ведь он портной, рабочий, пролетарий и должен бы был там жить хорошо, не правда-ли? И все же решил бросить большевизмский рай и искать кусок хлеба в бедной Греции. Налоги, налоги и налоги, говорит, такие налоги, что абсолютно ничего нельзя предпринять. Безработица и голод и каждый думает, как бы удраить из России. Это удастся с большим трудом, потому что большевики не желают, чтобы пролетариат других стран знал правду о положении. Но мне кажется, что это общий секрет! Единственное спасение — падение большевиков...

Сгорела ст. Анастасиевская.

В № 95 „Кр. Зн.“ сообщаются подробности пожара в ст. Анастасиевской.

„По проверенным данным, пожар возник от подожженного навоза, находящегося за станицей в свалочных местах. До начала урагана стансоветом и гражданами были приняты меры к ликвидации горения навозных куч. До двух часов дня все было потушено. Около трех часов дня поднялся сильный ураган, от силы которого не мог держаться человек. Навозные кучи моментально разворушило и оставшиеся в середине куч искры дали пламя, которое моментально за ветром перенеслось на первые хаты. Пожар охватил станицу с двух концов и в течение 20 минут огонь прошел до противоположного конца станицы. Сопротивление было почти невозможно. В борьбе с огнем принимала участие вся станица с тремя трансбоями, но несмотря на это огонь сделал свое дело. Удалось отстоять незначительное количество дворов.“

Жертвоприношение.

„У святылища Коца Цембаева, на скалистом берегу реки Белой, в версте от аула Христианского (Майкопского ок.) было зарезано в этот день четыре быка, тридцать баранов и выпито около четырехсот ведер пива и араки.

Было жертвоприношение.

Дымились костры. Подводились покорные быки к святылищу.

Седобородые старцы, а с ними народ — 3500 человек — подымали молитвенно руки к небу и молились перед тем, как вонзить нож в шею животного.

В особом почете была старуха Гажаджэ.

Это ей появилась посланница Божья Фатума и сказала:

— Дети в вашем ауле мрут от тяжелой горловой болезни. Бог спасет их. Только пусть народ принесет ему жертву — быков и баранов. И араку пусть принесет, и пива.

Ночью Гажаджэ созвала соседок. Ночью же соседки обежали аул и к утру все население узнало, что Бог требует жертву.

Было это не триста, не четыреста лет тому назад. Было это недавно, в прошлом году. Не язычники приносили жертву, а христиане. Не где нибудь в трущобах, а в самом большом осетинском ауле Христиановском, куда часто приезжают люди из города, где есть комячейка, сельсовет, кооператив, изба-читальня и много других советских учреждений.

А самое главное — в ауле есть больница, врачи, лекпомы, прямая обязанность которых, без помощи Божьей, побороть эпидемию скарлатины“...

(Молот.)

Убийство комсомольца.

В ст. Дондуковской 11 апреля убит член бюро станичной ячейки комсомола Яков Кучеренко.

Кучеренко до позднего вечера задержался на заседании бюро ячейки. Когда он возвращался домой, на него напали двое и стали наносить удары кинжалами.

Кучеренко был обнаружен около хаты одного казака, где произошло нападение.

Перед смертью Кучеренко успел сказать, что на него напали и ранили кинжалами местные парни Диденко и Цариков. На теле убитого оказалось 11 ран. Диденко и Цариков были арестованы в ту же ночь.

Отец Диденко был до этого выслан из пределов края, а отец Царикова расстрелян в период войны с большевиками.

Бедственное положение зоологического сада.

Ростовский зоологический сад находится в чрезвычайно бедственном положении.

Отпускаемых по смете средств не хватает даже на самые необходимые нужды. Дирекции сада приходится прибегать ко всяким комбинациям, чтобы изыскать средства на кормление животных (в саду сейчас свыше 430 экземпляров): деньги выкраиваются из ассигнований — на строительство, спецодежды и т. д. И все же средств не хватает. Животных держат на полуголодном пайке. Необходимо 2 пуда мяса и рыбы в день, дают лишь половину. Дело дошло до того, что во время сильных морозов орлы заклевали и с'ели своих детенышей, лисы с'ели лису.

(Молот)

О быте советского студенчества.

Положение советского студенчества попрежнему остается тяжелым.

Жилищное положение не удовлетворяет и минимальным требованиям. В этом году во время приемных экзаменов студенческие общежития не приняли 450 человек. Студенты, конечно, безуспешно искали комнаты в частных домах и были вынуждены вернуться домой.

Положение студентов в гор. Ростове на Дону действительно критическое, представляет картину жилищной скученности и полуголодного существования.

В комнатах не хватает ни коек, ни матрацов; нет табуреток, нет столов.

Прием студентов в амбулатории происходит именно в те часы, когда студенты занимаются. Кроме того, помощь студентам в смысле получения протезов доходит до курьеза. На 6000 студ. страх. касса отпускает 5 пар очков, в то время, как заболевание глаз является профессиональным страданием вузовцев.

В особенности тяжело приходится студентам техникума. Это объясняется еще тем, что студенчество почти лишилось побочных заработков. В прошлом году студенты в свободное время работали грузчиками и чернорабочими, таким образом зарабатывали на месяцы жизни вперед. Сейчас биржа труда совершенно не предоставляет студентам временной работы.

Ростов н/Дону.

12 апреля.

Из жизни Гниловской станицы.

Гниловская живет только кинофильмом. Вечером над единственным двухэтажным клубом „Юный коммунар“ зажигается единственный в Гниловской электрический фонарь. Он освещает грязные, шершавые, как тело прокаженного, кирпичные стены и пестро нама-леванный плакат. На плакате, конечно же, во весь свой героический рост стоит над бездной благородный, как шуллер, Гарри Пиль.

Обетованную страну кино окружают шмыгающие носом торговки с семечками, яблоками, со слипшимися слезами. Гниловчане отправляются сюда толпами. Для того, чтобы не слышать шума аппарата в зрительном зале, набивают карманы семечек.

Начинается сеанс. Сотни человеческих тел стиснуты в один громадный ком, который раскачивается из стороны в сторону и тяжело дышет, словно вспотевший бегемот. Когда на заплатанном экране Гарри Пиль должен быть подстрелен из-за угла, а аэроплан, куда Гарри должен прыгнуть, шарит над землей на высоте 3000 метров — передние ряды настаораживаются, затем издают неведомый животный рев. Вскикивает весь зал, бросает на пол семечки и кричит:

— Гарри! Гришка! Егор!..

— Улепетывай же! Застрелют!..

Но Гарри, конечно, успевает прыгнуть в аэроплан, иллюстратор попрежнему остервенело колотит по пустым бесструнным клавишам, и успокоившаяся толпа попрежнему хрустит семечками...

Сеанс окончен. Но приобщение к культуре идет полным ходом. На подмостках дряблый куплетист, захлебываясь от собственных острот, рассказывает плохо пахнущую алиментную злобу дня. И только потом культура Гниловской сворачивается и засыпает девственным сном до следующего вечера.

Если вы пришли из города по вязкой грязи к клубу, не попытайтесь спрашивать ни о клубной библиотеке, ни о вечерах самодеятельности, ни о чем другом подобном. Отойдите и не любопытствуйте лучше, иначе вас могут принять за знатного иностранца и чего доброго, на ваших же скулах продемонстрировать последние достижения единственно имеющегося здесь кружка физкультуры...

Л. Л.

Советские хлебозаготовки и весенний посев.

Давно известно, что ни индустрия, ни железные дороги, ни промышленность угольная и никакие иные предприятия, руководимые большевиками, не дают им дохода. На всем государственная казна приплачивает. Если бы только это было у б-ков, давно бы уже они оставили свое „строительство единственного в мире социалистического государства“. К сожалению, в их распоряжении имеется еще одна большая отрасль хозяйственной жизни, отрасль, которой они покушаются руководить, которую даже ненавидят, как здерживающую „ход социалистического роста государства“, но от нее живут сами, кормят все секции III интернационала в целом свете, организуют и ведут китайскую революцию и т. д. и т. д. Эта отрасль сельское хозяйство. Зерно и другие продукты сельского хозяйства, это почти единственная валюта б-ков при торговле с заграницей и при расчетах внутри страны. Все свои кризисы, все свои просчеты плутни, растраты, кражи лечат, покрывают и восстанавливают б-ки трудом, потом, и кровью хлеборобов.

Хлеб производят Украина и юго-восток бывшей России, т. е. Дон, Кубань, Терек. И вот сюда то направлено все внимание, вся энергия жадной оравы с севера. По ничтожным „твердым ценам“ насильно отбираются „излишки“ зерна и всех сельскохозяйственных продуктов у хлеборобов Кубани, Дона, Терка и Украины. Отбирается все, оставляется только „голодная норма“, а за отобранное хлебороб не всегда достанет и обещанные „твердые цены“ деньгами. Часто и часто

стоимость зерна идет на погашение налогов за прошлое время, вместо денег дают какие-то квитанции, облигации разных займов и т. п. Но и тот, кто получит стоимость зерна в червонцах, не оказывается в блестящем положении, ибо на червонцы можно купить только рыковку (водку), которая одна исправно доставляется населению. Но ни мануфактуры, ни железа, ни гвоздей, ни угля, ни тем более сельскохозяйственного инвентаря никто купить не может: на это не хватает „твердых цен“, да и вообще ничего всего этого в потребном количестве там нет.

Кто имеет возможность слышать „хоть краем уха“ то, что происходило в прошлую зиму в наших Землях и что происходит еще и сейчас там в связи с „хлебо-заготовительной кампанией“ б-ков, тот знает, какой стон стоит там от арестов, угроз, побоев, от „самообложений“ и др. большевических приемов при очередном пополнении их отошавшей казны.

Казалось, что весной большевики займутся чемнибудь иным, а не только хлебозаготовками. Но действительность еще раз подтвердила, что они могут одновременно кричать о многом, но делать только одно — грабить.

Апрельские газеты Северо-Кавказского Края (Дон, Кубань, Терек) были полны все теми же зимними лозунгами: „хлебозаготовительной работы не свертывать! Необходимо проводить и развивать новые заготовки! В текущем третьем квартале должно быть заготовлено не менее девяти миллионов пудов хлеба“ (по Сев. Кавказу), ибо „перед нами еще остаются невыполненные целиком задания центра по снабжению хлебом Закавказья, Средней Азии и промышленно-потребительских центров, в том числе и Москвы“. Десять миллионов пудов зерна намечено взять только в течение одного „третьего квартала“ там, где уже более полугода производится хлебозаготовки так усердно, что, за недостатком посевного материала, очутилась под угрозой невыполнения весенней посевной кампании!

А к весенней посевной кампании большевики тоже не равнодушны: „не засеем, — не будем иметь возможности в будущем году хлебозаготавливать“. И потому лозунги и угрозы: „Весенний сев не терпит промедления, не допускает отсрочки; каждые сутки запоздания с посевом уменьшают будущий урожай! Увеличим яровой клин! Тот кто не засеет своей земли, тот лишится ее!“ и т. д.

Ограбленное, до последнего фунта зерна, население просит дать посевной материал и инвентарь, какого нельзя купить за „твердые цены“. Сотни, тысячи примеров можно бы было привести о том, как удовлетворяются просьбы о посевном материале и инвентаре. Выписываем только некоторые из двух №№ „Красного Знамени“. Вот они:

Хут. Веселый. Когда нам говорили об инвентаризации колхозов, то обещали прислать инвентарь не позже 10 марта. Однако, даже 7 апреля мы инвентаря еще не получили. В результате задержался посев...

Ст. Березанская. Несогласованность и частые изменения в количестве отпускаемых нам семян крайне нервнируют население, а также ломают план кампании...

Хут. Буряковский. ... привезли два вагона картофеля, но картофель оказался мерзлым.

Ст. Восточная. Считает-ли районное семеноводческое Т-во ст. Усть-Лабинской себя обязанным выполнить договор с земельным обществом ст. Восточной о снабжении семенами?

Ст. Северская. Когда Северское ЕПО будет снабжать хлеборобов не только обещаниями о доставке семян, но и самими семенами?..

Станция Краснодар I, 26 апреля. Север.-Кавк. ж. д. — 12 апреля на станцию Краснодар прибыла, отправленная со ст. Муртозово 9-го апреля кукуруза в кочанах в вагонах №№ 478639 и 27886. Подали под выгрузку немедленно, но кукуруза простояла в вагонах до 20 апреля, а в этот день железная дорога выгрузила кукурузу в пакгауз № 12, и с тех пор никто о ней не беспокоится. Когда же эта кукуруза попадет хлеборобу для посева?

Ст. Ильская. (сев. р.) 26 апреля нет семян картофеля. На базаре продают мелочь да и за ту дерут втридорога: вместо 15 коп. — 1 руб. за ведро. ЕПО доставило два вагона, но этого мало, выписали еще, ждали — ждали, но до сих пор нет. Наконец, получили дубликат на два вагона. Население подготовило землю, ждет. Вдруг извещение, что эти два вагона вместо Ильской получила ст. Ильинская, и остались мы опять без картошки.

Ст. Тимошевская. 26 апреля. На днях в адрес нашего с.-х. т-ва поступило 800 пудов кукурузы. Кукурузу разгрузили, наметили к раздаче, как вдруг поступает телеграмма, что эта кукуруза попала к нам по ошибке и направляется в ст. Медведовскую...

И так без конца!

Чтобы спасти положение и не остаться без посевов, некоторые станичные советы, с разрешения районных советов начали продавать населению посевной материал из ссылок, куда хлеб перед тем был свезен. Такое „самоуправство“ вызвало гнев у главграбителя Северо-Кавказского Края, какого-то тов. Гроссмана... „Такой порядок, повидимому, пришелся по вкусу местам... — язвит тов. Гроссман и далее заявляет: „В результате Крайторг к концу марта не достал большого количества хлеба. Как только это выяснилось, Крайторг дал на места директиву немедленно прекратить разбазаривания государственного хлеба... Производимое местами разбазаривание хлеба, заготовленного в плановом порядке является расхищением государственного достояния, уголовным преступлением. С вредителями государственного хлеба мы будем бороться беспощадно. Нам уже дано задание заготовителям представить списки сельсоветов и райисполкомов, занимавшихся местным снабжением указанным способом. Эти списки будут переданы прокуратуре для привлечения виновных к строжайшей ответственности“.

Верх цинизма и ни крупинки ума. Тот же товарищ Гроссман знает, что сов. дороги не в состоянии перевезти заготовленный хлеб в места назначения раньше, чем через 3—4 месяца, точно также, не в состоянии советские органы снабдить посевным материалом хлеборобов. И население, в согласии с местными властями, нашло выход из катастрофического положения: засоренное, а иногда и полусгнившее на складах свое зерно купило для посева. И за это „к строжайшей ответственности“.

Мы глубоко верим, что уже не далеко то время, когда измученный, ограбленный народ встряхнет могучими плечами, освободится от ярма московско-коммунистических паразитов и привлечет к „строжайшей ответственности“ товарищей Гроссманов и иже с ними.

Азбе.

Итоги январьско-февральской московско-большевицкой атаки на казачьи станицы.

Перед отъездом на курорты, агенты московско-большевицкого правительства в казачьих Землях делают отчеты в своей прессе о „январьско-февральской — как они называют — кампании в станице“.

Кампанией этой были: хлебозаготовки, самообложение и пр. Чтобы понятнее были причины и суть этих „кампаний“ для тех, кто не мог регулярно следить за происходящими событиями в последнее время в наших Землях, считаем необходимым остановиться на том, что вызвало эти кампании и что придало им те формы, в какие они вылились в практическом проведении.

В прошлом году, как известно, снова было возгорелась борьба внутри правящей клики СССР — коммунистической партии. Результат этой борьбы был тот, что победившее большинство выбросило из своих рядов головку оппозиции и раздавило всю оппозицию тем, что огстранены были оппозиционеры, но их идейный багаж победившим большинством был целиком

взят для практического употребления, т. е. был объявлен поход на кулака в деревне и на частника вообще.

Поход этот имел то „практическое“ значение, что вызвал колоссальное сокращение приходной части государственного и областных бюджетов, в значительной мере построенных на поступлениях от частной торговли, от аренды торговых и промышленных предприятий и помещений и т. д. Как велики были недополучки, можно судить хотя бы потому, что по одному Кубанскому округу (теперь он равняется одной трети бывшей Кубанской Области) было недополучено свыше двух миллионов рублей по краевому бюджету.

И это явление, конечно, наблюдалось на всей территории, где осуществляется диктатура РКП (б).

Срыв приходных статей бюджета поставил большевиков перед дилеммой: „или жить по старому бюджету, а, значит, увеличить дефицит бюджета, и, возможно, не выполнить многих расходных предположений, или же произвести пересмотр бюджета“ (Кр. Зн. № 67). И большевики, чтобы не ставить под угрозу „наиважнейших расходных предположений“ (очевидно, субсидии секциям III интернационала, китайская смута и т. д.) поступили весьма просто: огромную часть расхода по народному образованию; расходы по дорожному, школьному и больничному строительству; расходы по мелиоративным улучшениям и сельскохозяйственной инвентаризации; расходы по финансированию промышленности и др. были из расходной части „союзных и несоюзных бюджетов исключены и переложены на плечи самого населения. Из этого выросли: самообложение“ (от 30 до 100% /окладных листов), заем индустриализации, заем сельскохозяйственного хозяйства и т. д.

Но все эти мероприятия по предотвращению бюджетной катастрофы являются так сказать, методом переливания из пустого в порожнее. Долго этим не продержаться. Необходимо было предпринять что либо решительное для приобретения твердой валюты, найти товары для внешнего рынка. Предмет экспорта у большевиков один — хлеб, пот и кровь хлебороба. Отсюда — бешенный темп хлебозаготовок, или вернее, хлебоборезвизий.

Распространение облигаций разных займов, „самообложение“ и хлебозаготовки происходят главным образом в казачьих Землях, в этой „экономической базе для всей республики“, как еще совсем недавно охарактеризовал Кубань один из официальных представителей Соввласти.

Не производящая необходимого для себя количества жизненных продуктов московско-большевизская армия тунядцев, организованная и руководимая в значительной мере международными авантюристами, каждый раз атакует производящий юг, как только заметит, что этот юг оправился от ран последнего боя. И атаки эти всегда опустошительны, и в особенности для казачьих Земель. Одураченная лживыми лозунгами и обещаниями, некоторая часть населения часто способствует победе неприятеля, когда или молчаливо созерцает борьбу экономически окрепших элементов против коммунистов, или даже открыто помогают грабителям с севера.

Как происходит борьба казачества с русскими коммунистами, каково содержание этой борьбы, предоставим охарактеризовать это фактическому руководителю политической жизни в одной из Земель казачьих — секретарю кубанской коммунистической партии.

„Январьско-февральские кампании в станице (хлебозаготовки, самообложение и пр.) — пишет комсекретарь — имеют то основное значение, что они дали нам новый практический опыт в классовой борьбе, которая с особым обострением в этот период происходила в станице. Этот опыт по своей важности, по богатству политических уроков, которые в нем заключаются, является не менее важным, чем тот опыт классовой борьбы в станице, который складывался, например, в условиях гражданской войны. Разница заключается в том, что здесь (при проведении этих кампаний) обстановка была более сложной, более противоречивой и в этом смысле значительно более трудной. Здесь была необходима не только напряженная энергия и воля, в том или ином виде, но

и более высокое партийное сознание, более тонкое партийное чутье и повышенная способность быстро ориентироваться в самой сложной обстановке“.

Охарактеризовав таким образом условия борьбы, московский агент далее задает вопрос: „по каким основным линиям эта... борьба проходила в станице?“

И отвечает:

Она проходила по двум основным линиям: во первых по линии борьбы между государством (государство у нас пролетарское — следовательно — пролетариатом), с одной стороны, и кулачеством — с другой; во вторых, по линии борьбы внутри самой станицы, между батрачко-бедняцкими элементами с одной стороны, и кулачеством — с другой. Эти две линии борьбы не отделялись друг от друга — они совпадали: государство в борьбе с кулачеством опиралось на бедноту, а беднота в борьбе с тем же противником использовала помощь государства; кулачество, борясь против государства, тем самым боролось и против бедноты“.

Коммунисты всегда делают секретарями своих филиалок „теоретически подготовленных“ людей. Повидимому и кубанский комсекретарь очень силен в большевизской теории и принадлежит к той разновидности коммунистов, которые в отдельной семье находят классовую дифференциацию. Мы не разделяем его взглядов и более склонны присоединиться к мнению тех, кто не видит „классов“ в станице. Поэтому квалификация происходящей и происходящей борьбы, как борьбы кулака с бедняком не верна. Борьба идет между коммунистическим государством и производителем хлеба.

В характеристике конкретных форм самой борьбы, в определении „преткновенных“ точек этой борьбы, комсекретарь, пожалуй, ближе к истине, так как „приходится считать“ с конкретными фактами. Предоставляем слово г. комсекретарю.

„Первая главная точка преткновения заключается в политике хлебных цен. Поэтому пункту, прежде всего, narостало обострение борьбы. Кулак в семи силами начал бороться за срыв существующих цен на хлеб. Он выдвинул задорнобоевые лозунги за повышение цен. (А бедняк и середняк, производящие хлеб, не хотят повышения цен? Ред). Это понятно — дальнейший экономический рост кулака уперся в необходимость повышения цен на хлеб: существующий уровень цен является ограничением этого роста. От того или иного уровня цен зависит: а) усиление или ослабление роста капиталистических элементов в станице (в экономическом отношении) и б) обострение или сохранение нормальных отношений города и станицы (в политическом отношении). Кулак, добиваясь снятия всех ограничений своего роста, усиливает борьбу за повышение уровня цен. Чтобы облегчить себе эту борьбу, он напрягает все усилия, чтобы расшатать и ослабить социалистическое воздействие города на станицу.

Мы, со своей стороны, по мере нарастания кулацкого давления за срыв цен, должны были усиливать давление на кулака за сохранение существующих цен. Отсюда — неизбежное заострение борьбы с кулачеством. Кулак нас жмет дезорганизацией рынка, — мы его жмем приведением в усиленное движение всех рычагов (экономических и неэкономических — 107 ст.) за форсирование хлебозаготовок.

Вторая главная точка преткновения этих враждебных сил (находящаяся в тесной связи с первой) заключается в вопросе о средствах производства сельского хозяйства. Наша социалистическая промышленность не удовлетворяет кулака не только и не столько с точки зрения политики цен на промтовары (достигнутое снижение этих цен кулак, конечно, считает далеко недостаточным), сколько с точки зрения политики снабжения сельско-хозяйственными средствами производства, которую мы ведем, сурово ограничивая в этом отношении кулака. Стремясь к дальнейшему своему экономическому росту, через удовлетворение своего спроса на средства производства, кулак ищет смычки с капиталистической промышленностью. В этом ему мешает монополия внешней торговли. Он поста-

вил своей задачей расширить ее. В связи с этим кулак враждебно относится, в частности, к советскому (монопольному) экспорту хлеба. В частности, по этой причине он срывает хлебозаготовки; ослабляет роль советской торговли на мировом рынке. Отсюда — он пытается сорвать практическую программу социалистического промышленного строительства внутри страны.

Эта борьба за отмену монополии внешней торговли выражается в определенных политических лозунгах кулачества: создание „союза хлеборобов“, „пусть скорее будет война“, „подождем наших“ (белогвардейцев), поэтому „хлеб поберегу своим“, — заявлял один кулак (бывший белогвардеец-репатриант), — они скоро придут“ и т. д.

Несомненно, что и по этой линии было неизбежно обострение нашей борьбы с кулачеством.

Как по первой линии — в борьбе против существующих хлебных цен, — так и по этой второй линии кулак, преследуя свою конечную главную цель — ослабление всех ограничений его капиталистического роста, — открывает (начинает) борьбу ударом по хлебозаготовкам, дезорганизацией хлебного рынка.

Для этого он предпринимает целый ряд определенных маневров. Важнейшие его маневры следующие: а) обернуться на сырье, чтобы покрыть все свои текущие денежные потребности (налоги, покупка потребительских товаров и проч.), б) хлеб попридержать*), в) расширить спекулятивную цель**), через которую мешочничество, пока мы не начали с ним борьбу, получило было уже огромное развитие, г) создать политическое затруднение в городе через создание продовольственного кризиса.

*) „Подожду весны, побачу яка тоді буде ціна... Як дасте два рублі за пуд, тоді може пудів 300, або 500 привезу“ (из письма уполномоченного по Брюховецкому району).

**) „Дайте нам право, мы сами соберем хлеб и повезем рабочим, мы с ними сторгуемся“ (из того же письма).

Эти маневры в сильнейшей степени дезорганизовали рынок, это — одна из важнейших причин кризиса хлебозаготовок. Наша задача состояла в том, чтобы разбить эти кулацкие маневры. Однако, некоторые наши недочеты мешали нам в этом, мы не сумели сразу развернуть соответствующие мероприятия, этим мы ослабляли нашу позицию. Нашими основными недочетами были: а) товарный голод, в силу отставания предложения промышленных товаров от растущего на него платежеспособного спроса. Это объективно неизбежное явление — здесь быстро никакой правильной политикой дело не поправишь. Это возможно только в результате нашего длительного развития; б) запоздалость завоза в станицу наличных товаров в городе. Это — другое дело. Это зависит от ошибок в определенной системе мероприятий, от плохих расчетов или просчетов; в) недообложение кулачества. Это — тоже некоторый недосмотр; г) неумение извлечь денежные излишки из станицы, что представляет из себя вообще огромную трудность; д) слабость хлебозаготовительного и кооперативного аппарата, который оказался „не на высоте своей задачи“; е) и, наконец, ослабление внимания к хлебозаготовкам со стороны партийных организаций, что имело крупнейшее отрицательное значение“.

Часто случается, что спорящий, чтобы „снять“ своего противника, такое сгоряча скажет, что положит себя на обе лопатки. Это случилось с кубанским комсекретарем. Он столько сказал неприятного по своему адресу, так прекрасно информировал нас об истинном положении вещей в наших Землях, что у нас нет оснований быть им недовольными.

Большевики господствуют в наших Землях. Но господство это держится силой оружия организованной полиции и армии и не имеет ни корней, ни сочувствия в нашем народе. Январско-февральская битва большевиками выиграна. Но еще одна такая победа и они останутся без армии, ибо у них провалились: и займы, и хлебозаготовки, и даже „самообложения“.

Библиография о казачестве.

(Собрал Д-р. С. Федоров).

20. Чтения И. М. О. И. Д. 1862 кн. IV (Н. Музей. Прага. 77-B-5).

О происхождении Варяг-Руси.

Упоминается о Руси азовско-черноморской.

Челобитная Донского старшины Ивана Васильевича Фролова о пожаловании его Действительным Атаманом.

21. Чтения (ibid.) 1846 г. кн. 5-7.

Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. Чрезвычайно ценный труд.

Исследование начала народов Славянских. Много о скифах.

Историческое рассуждение о Паницах или Печенегах. Сочин. Петра Фридриха Сума.

22. Чтения (ibid.) 1846 кн. II.

Подробное описание расположения, действий и движения корпуса Императорских Российских войск под командой генерала Римского-Корсакова в Швейцарии. Перечисляются донские полки.

Историческое исследование о местоположении Тмутороканского княжества. СПб. 1794 г.

23. (ibid.) кн. III.

Подробный обзор истории Русов.

Упоминается о казаках в полтавской битве.

История или повествование о Донских казаках. А. Рагелямана.

Чрезвычайно редкое, обстоятельное и любопытное сочинение, весьма ценное для изучения казачества.

Летопись Нестора.

Летописец Русский.

Историческое рассуждение о Хозарах.

Соч. П. Ф. Сума: (Датского академика).

Историческое сочинение о Малороссии и Малороссиях И. Ф. Миллера, б. историографа Российского.

24. (ibid.) 1861 кн. III-IV.

Записки о Кизляре.

25. *Исследования, замечания и лекции М. Погодина о Русской Истории.* Москва 1846 г. (Музей. 78-F-22).

Много данных, относящихся к казачеству.

26. *Повествование о России.* Н. С. Арцибашева. Москва 1838 т. I, II, III. (Музей. 77-A-33.)

Чрезвычайно солидное и обстоятельное сочинение; масса сведений, относящихся к казачеству.

27. Чтения И. М. О. И. Д. (Музей 77-B-5) 1847 г. кн.

8. *Записки преосвященного Георгия Конниского.* Много о Запорожьи.

28. *Hamilton Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia.* London 1842 II.

Упоминается о посещении сел. Казакли на Майноском озере, населенного эмигрировавшими с Кубани потомками Донцев.

29. *Mac Farlane. Turkey its destiny.* 1850, I.

Обстоятельное описание посещения того же селения в 1847 г.; быт, нравы, снововка казаков.

30. *Свенске Г. Русская колония в Малой Азии.* „Вестник Геогр. Общ. 1855 кн. III. отд. III. Перевод того же описания.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“ — Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11, Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.